
Б.Е. Фрумкин

УЧАСТИЕ СТРАН
ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В РАЗВИТИИ ОБЩЕЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКИ ЕВРОСОЮЗА:
ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИИ

Москва
Институт экономики РАН
2026

Рецензенты:
член-корр. РАН, д.э.н., профессор РАН С.А. Афонцев,
к.э.н., доцент М.А. Максакова

Фрумкин Б.Е. Участие стран Центрально-Восточной Европы в развитии Общей сельскохозяйственной политики Евросоюза: последствия для России: Научный доклад. – М.: ИЭ РАН, 2026. – 56 с.

ISBN 978-5-9940-0808-9

В докладе анализируются основные этапы и результаты адаптации стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) – членов Евросоюза (ЕС) к его Общей сельскохозяйственной политике (ОСП) с акцентом на трансформацию их участия в разработке и реализации ОСП, а также воздействие этих процессов на агропродовольственную торговлю стран ЦВЕ с Россией с учетом политических аспектов. Рассматриваются возможные перспективы таких связей в контексте намечаемых изменений в подходе ЕС к ОСП в 2028–2034 гг., а также курса на дальнейшее укрепление позиционирования России в мировом продовольственном хозяйстве.

Ключевые слова: Центрально-Восточная Европа, Евросоюз, Россия, агропродовольственный комплекс, Общая сельскохозяйственная политика, адаптация, бюджет и инструменты ОСП, институты ЕС, внешняя агропродовольственная торговля.

Классификация JEL: F02, F1, F36, Q17, Q18.

Frumkin B.Ye. The participation of Central and Eastern European countries in the development of the European Union's Common Agricultural Policy: Implications for Russia: Scientific Report. – M.: Institute of Economics RAS, 2026. – 56 p.

The report analyzes the main stages and results of the adaptation of the Central and Eastern European countries (CEE) that are members of the European Union (EU) to its Common Agricultural Policy (CAP), with a focus on the transformation of their participation in the development and implementation of the CAP, as well as the impact of these processes on the agri-food trade of the CEE countries with Russia, taking into account political aspects. The report also examines the possible prospects for such relations in the context of the planned changes in the EU's approach to the CAP in 2028–2034, as well as the course on further strengthening Russia's position in the global food economy.

Keywords: Central and Eastern Europe, European Union, Russia, agri-food complex, Common Agricultural Policy, adaptation, budget and instruments of the CAP, EU institutions, foreign agri-food trade.

JEL Classification: F02, F1, F36, Q17, Q18.

© Фрумкин Б.Е., 2026
© Институт экономики РАН, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	6
Глава I. История и итоги двадцатилетия участия стран ЦВЕ в Общей сельскохозяйственной политике ЕС.....	12
Глава II. Современные проблемы участия стран ЦВЕ в Общей сельскохозяйственной политике ЕС.....	35
Заключение.....	49
Литература.....	52

Никогда не думал, что стану последним комиссаром ЕС по сельскому хозяйству, оставившим после себя сильную и самостоятельную Общую сельскохозяйственную политику, независимую от политических этапов и требований верховенства права, и приносящую огромную пользу польским фермерам.

Януш Войчеховский (Польша),
Еврокомиссар по сельскому хозяйству
и продовольствию (2019–2024 гг.)

ВВЕДЕНИЕ

Агропродовольственный комплекс АПК, интегрирующий все стадии производства и переработки продовольственного сырья, доведения конечной продукции до потребителя (в том числе формирования структуры и модели потребления), рециклирования отходов и побочных продуктов и логистически — инфраструктурного и научно-технологического обеспечения этих процессов¹, существенно отличается от других секторов экономики. Это обусловлено сочетанием повышено национального характера АПК (связанного с природной, производственно-экономической и социально-психологической спецификой местных условий) и его стратегической международной роли в решении региональных и глобальных проблем (продовольственной, эколого-климатической, искоренения бедности и др.). Продовольственная геополитика — реальность наших дней. Поэтому вопросы формирования национальных АПК и их международного взаимодействия традиционно занимают важное место в исследованиях процессов региональной экономической интеграции.

Наиболее интенсивно эта проблематика изучалась и изучается применительно к европейской экономической интеграции с ее уникальной многолетней практикой разработки, реформирования и применения моделей согласованной и общей сельско-

-
1. В докладе рассматривается именно агропродовольственный комплекс, как ведущий и относительно обособленный элемент более широкой структуры — агропромышленного комплекса, в которую дополнительно включают также отрасли-поставщики средств производства (машин, оборудования, химических и биохимических средств, упаковочных материалов и т.д.)

хозяйственной политик. Первая модель интеграции в сфере АПК в Европе после Второй мировой войны была разработана и практически действовала более 30 лет, начиная с 1960 г., в рамках Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), ядром и наиболее жизнеспособной частью которого был СССР в тесной связи со странами Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) – Болгарией, Венгрией, Польшей, Румынией, Чехословакией при ассоциации с Югославией и участии ГДР (которая географически и исторически не входила в регион ЦВЕ). Она основывалась на планово-координационных инструментах, без единого регионального рынка агропродовольственной продукции, общих мер по его защите от мировой конкуренции, особого общего финансирования сотрудничества. Кроме того, по сути, проводился курс на максимизацию национальной продовольственной самодостаточности, а не региональной продовольственной безопасности СЭВ. Эти ограничения не позволили наладить устойчивое интеграционное взаимодействие, хотя и способствовали определенной унификации производственно-экономической структуры страновых АПК, их «внутриСЭВовской» международной специализации (прежде всего по зерну, плодоовощной и, частично, мясомолочной продукции), кооперации в разработке и, частично, производстве общей системы машин для сельского хозяйства и пищевых отраслей. Вопросы формирования региональной системы цен на продукцию АПК, согласованной инвестиционно-кредитной политики (вплоть до учреждения совместного фонда финансирования согласованных мер в этой сфере) активно обсуждались после принятия в 1983 г. «Комплексных мероприятий сотрудничества для улучшения снабжения населения стран – членов СЭВ продовольственными товарами». Однако радикальных изменений механизма взаимодействия провести не удалось. Функционирование этой модели агропродовольственной интеграции прекратилось в 1991–1992 гг. вместе с деятельностью СЭВ, хотя прежние взаимные торговые связи реально влияли на торговлю стран ЦВЕ практически до начала процесса их присоединения к Евросоюзу в 2004 г. В целом в рамках данной модели Россия (как крупнейшая экономика СССР) являлась главной движущей силой, преобладающим или значимым рынком сбыта агропродовольственной продукции и основным поставщиком энергоресурсов

и минудобрений для аграрного сектора большинства стран ЦВЕ. Эволюция и проблемы этой модели рассматривались в ряде работ ученых стран СЭВ (Кормнов, ред., 1976; Шаламанов, Шмелев и др., 1982; Шаламанов, Ганев, ред., 1983; Фрумкин, 1986).

Вторая модель, разработанная и практически осуществляемая в рамках Европейского союза (ЕС) с 1962 г., оказалась более жизнеспособной и долговечной и пока остается единственной в мире действующей системой региональной интеграции национальных АПК. Она реализуется посредством Общей сельскохозяйственной политики (ОСП) ЕС. ОСП изначально была практически самостоятельной и приоритетной в целеполагании (обеспечение продовольственной безопасности ЕС на основе роста продуктивности сельхозпроизводства при доступных ценах для потребителей и достойных доходах для фермеров) и организационно-правовом и финансовом обеспечении (единство внутреннего агропродовольственного рынка ЕС, приоритет евросоюзной продукции, гарантированная поддержка сельхозпроизводства и развития села через специальные фонды, долгое время доминировавшие в расходах бюджета ЕС). Цели и механизмы ОСП, даже при существенных корректировках в ходе нескольких реформ, в целом воспроизводились до 2025 г., обеспечивая ее преемственность, устойчивость и предсказуемость для аграриев при понимании и поддержке основной части общества². В рамках этой модели, по крайней мере до 2014 г., Россия оставалась для стран ЦВЕ значимым дополнительным к евросоюзному рынку сбыта продукции АПК и важным поставщиком энергоресурсов и удобрений.

Исторически и до применения этих моделей страны ЦВЕ имели некоторый опыт международного сотрудничества, по крайней мере в сфере торговли сельскохозяйственными товарами. В 1930–1933 гг. действовал так называемый Аграрный блок — аграрно-экономический союз Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Югославии, частично Чехословакии и стран Балтии, экономика которых в значительной мере имела аграрный характер при производственно-экспортной ориентации на рынки Западной Европы. Стремясь обеспечить на этих рынках более выгодные условия тор-

2. См., напр.: Европейская интеграция. Учебник для вузов / Под ред. О.В. Буториной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 258–275.

говли и привлечь инвестиции для развития аграрного сектора, участники блока пытались скоординированно добиваться в отношениях с западными странами введения преференциального таможенного режима на импорт, организации среднесрочного международного кредитования для аграрного сектора, а во взаимоотношениях — согласованно создавать по единому образцу и при господдержке централизованные организации по закупке и экспорту сельхозпродукции, формировать органы регулирования агроэкспорта на третьи рынки. Экономическая и институциональная отсталость при недостаточной заинтересованности западных стран (особенно на фоне мирового экономического кризиса 1929–1933 гг.) не позволила участникам блока реализовать эти планы (Фрумкин, 1986. С. 31–32). Россия же рассматривалась скорее как конкурент, чем партнер. Тем не менее, Аграрный блок, в определенном смысле, стал предшественником первой модели, и особенно, перехода ко второй модели международной интеграции в сфере АПК стран — бывших участниц СЭВ.

Производственно-экономическая эффективность второй модели и реализующей ее ОСП практически подтверждается достаточно быстрым послевоенным восстановлением и актуальным состоянием регионального АПК, включающего сейчас ресурсы 27 стран — членов ЕС. В начале 2025 г., опираясь на этот потенциал, ЕС поддерживал более чем 100%-ную региональную самообеспеченность по 80% базовых агропродовольственных продуктов, при средней доле расходов на питание в бюджете домохозяйств всего 13%. Экспорт товаров АПК по стоимости почти на 130% покрывал их импорт, формируя около трети общего положительного сальдо торговли ЕС товарами. Достаточно прочным и значимым было международное позиционирование АПК ЕС. Располагая лишь около 1% занятых в сельском хозяйстве и 3% площади сельскохозяйственных земель мира, он давал 17% производства и 16% экспорта пшеницы, 13 и 14 — мяса, 17 и 25 — сливочного масла (в физическом весе). ЕС заметно влиял и на общую динамику глобальной агропродовольственной торговли, обеспечивая 13% стоимости экспорта и 9% — импорта, являясь первым по значению мировым экспортером и третьим — после США и Китая — импортером продовольствия. Внутри ЕС ОСП имела высокую общественную поддержку. По опросам 2025 г., более 80% респондентов из стран-членов считали,

что именно ОСП позволяет в любое время обеспечить им физическую доступность продовольствия.

ОСП, как и другие социально-экономические и секторальные политики и программы Евросоюза, традиционно строилась и с учетом политических факторов – внутринационального, регионального и геополитического. Особенно это касалось присоединения к ОСП одиннадцати нынешних стран ЦВЕ – членов ЕС: Болгарии, Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Словакии, Словении, Хорватии, Чехии, Эстонии (ЦВЕ-11).

Пережитая ими трудная трансформация экономической и политической системы не только принципиально изменила производственно-организационное и социально-политическое устройство регионального АПК, но впоследствии также стала оказывать обратное влияние на эволюцию аграрной политики Евросоюза. Важное значение имело и изменение связей государств ЦВЕ-11 с третьими странами (прежде всего Россией) в рамках общего международного позиционирования ЕС.

Прежде всего это касается рыночного преобразования механизма функционирования и структурно-производственной модели сельского хозяйства и АПК в постсоциалистических странах – ЦВЕ-11 для создания унифицированной базы подготовки и адаптации к ОСП, в том числе с учетом опыта и специфики их развития и взаимодействия в рамках СЭВ. Вопросы подготовки стран ЦВЕ к присоединению к ОСП, включая социальное и структурное реформирование, выравнивание уровней материально-технической базы, трудности адаптации к ее механизмам и последствия (в том числе негативные), а также участия в ее реализации, за период 1999–2024 гг. глубоко исследовались в работах ученых как западных (*Pouliquen, 2001, 2011; Swinnen, 2002; Swinnen, Vranken, 2010*) и центрально-восточных стран ЕС (*Bojnec, Fertő, 2015; Csaki, Jambor, 2019; Poczta, 2020; Buzogány, Varga, 2025*), а также их совместных публикациях (*Jambor, Gorton, 2024; Czarnecki, Zawalińska, 2024*).

В российской агроэкономической науке анализировались процессы доадаптационной рыночной перестройки аграрной политики в региона ЦВЕ-11 (*Буздалов, Фрумкин, 1993а, б; Фрумкин, 1993; 2004а, б*), некоторые аспекты начального периода адаптации к ОСП (*Назаренко, 2004; Папцов, 2015*), основные этапы эволю-

ции этой адаптации, в том числе с учетом специфики отдельных стран и последствий для их отношений с Россией (Европейский союз и новые страны..., 2008; Центрально-Восточная Европа..., 2025; Фрумкин, 2024; Четверикова, 2023). Актуальные вопросы развития аграрной политики России и перспектив российского агропродовольственного экспорта (в том числе в ЕС) до 2030 г. в условиях санкционного давления рассмотрены, например, в следующих публикациях (Киселев и др., 2021, 2022; Петриков, 2024).

Результаты этих исследований создают содержательную и методологическую основу для анализа и оценки перспектив трансформации ОСП и международного позиционирования АПК ЕС в условиях нарастания экономической фрагментации и геополитической неопределенности, особенно после прихода к власти в США второй администрации Д. Трампа. Такие перспективы уже обозначились при обсуждении самого большого в истории ЕС и радикально реструктурированного общего бюджета на 2028–2034 гг. По сути, он отражает обновление курса на региональную экономическую автономию в сочетании с большей политизацией интеграционных решений при повышении роли наднациональных институтов внутри ЕС и значения Евросоюза как самостоятельной силы в мировой геополитике, прежде всего в отношениях, а фактически — в конкуренции с США и Китаем. Плодотворным при изучении данной проблематики представляется подход к участию стран ЦВЕ-11 в ОСП, учитывающий сочетание внутренних экономических и внешних геополитических факторов, а также реальную и устойчивую специфику формальных и неформальных решений и практик функционирования регионального АПК ЦВЕ, для развития ОСП расширяющегося ЕС (Буторина, 2025; Pickles, Smith, 2007; Jehlička et al., 2020; Brix, 2022; Jambor, Gorton, 2024; MainarCausapé A., Martínez Y., 2025; Radlińska, 2025). В этой связи в докладе делается попытка обобщения предлагаемых новым бюджетом мер в отношении ОСП и выявления их возможного влияния на ключевые компоненты этой политики — целеполагание, принципы и механизмы реализации, с акцентом на учет внутри- и внешнеполитических приоритетов и действий стран ЦВЕ — членов ЕС.

ИСТОРИЯ И ИТОГИ ДВАДЦАТИЛЕТИЯ УЧАСТИЯ СТРАН ЦВЕ В ОБЩЕЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ЕС

Одиннадцать стран ЦВЕ – членов ЕС географически, экономически и политически образуют особый регион Евросоюза с исторически обусловленной спецификой распространения и применения стратегии, принципов и механизмов функционирования евроинтеграции, включая отраслевые (секторальные) политики. Поэтому применительно к Общей сельскохозяйственной политике в докладе они рассматриваются как единое целое и за единый временной период (2004–2024 г.), несмотря на то что формальное присоединение региона к ЕС и его ОСП заняло почти 10 лет – от принятия Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Словакии, Словении, Чехии, Эстонии в 2004 г., Болгарии и Румынии в 2007 г. до вступления Хорватии в 2013 г. Весь процесс подготовки к присоединению к ОСП, освоения ее механизмов и практического подключения к принятию решений по ее развитию продолжался примерно с 1999 г. и в целом завершен. В нем можно выделить три основных этапа: преадаптационный (1999–2004), преимущественно пассивной адаптации (2005–2016) и активной адаптации (с 2017 г.) (Страны «пояса соседства»..., 2024. С. 130–141). Содержание и последовательность этих этапов во многом обусловлены соотношением внешнего – геополитического, и внутреннего – интеграционно-экономического факторов на последовательных волнах общего евроинтеграционного процесса³.

-
3. По сути эволюция ОСП ЕС применительно к ЦВЕ вписывается в контекст общего циклического развития интеграции ЕС. Так, с учетом соотношения внутреннего и внешнего факторов О.В. Буторина различает три больших цикла экономической интеграции в рамках ЕС: 1951–1984, 1985–2019, 2020–2024 гг., каждый из которых «начинался с активной фазы роста, далее интеграционная активность достигала пика, после чего под воздействием внешних и внутренних сил обозначался переход к низкой динамике с признаками дезинтеграции» (Буторина, 2025).

На первом этапе доминировал регионально-геополитический фактор — стремление к географическому и политическому расширению ЕС в Европе. В это время окончательно оформились условия и цели фактической всеобъемлющей политико-экономической сделки между постсоциалистическими странами ЦВЕ и Евросоюзом. В обмен на предоставленную помощь в рыночной перестройке аграрного сектора, открытие агропродовольственного рынка ЕС, инвестиционно-финансовое содействие в технологическом и организационном развитии АПК ЦВЕ Евросоюз фактически получал контроль над новым регионом с однотипным евросоюзному политическим и социально-экономическим устройством, значительными природно-производственными и демографическими ресурсами, значимым внутренним рынком и внешнеторговым потенциалом. База для этого была заложена в предшествующем семилетии (1991–1997 гг.) при целенаправленной политической, организационной и финансовой поддержке ЕС в рамках соглашений об ассоциации со странами ЦВЕ. Важное место в них отводилось консультативному и иному содействию странам региона в проведении рыночных аграрных реформ (создания унифицированной рыночной модели сельхозпредприятий путем трансформации направлявшихся и контролировавшихся государством кооперативно-государственных хозяйств в частные индивидуальные или акционированные структуры), сближению правовых норм (включая создание рынка сельхозземель) и механизмов госрегулирования АПК (в том числе частичной либерализации взаимной агропродовольственной торговли). Эти меры к концу 1997 г. способствовали завершению в основном рыночных реформ в АПК стран ЦВЕ и переориентации примерно половины экспорта его продукции на рынок ЕС (хотя более четверти его по-прежнему направлялось в Россию и другие страны СНГ).

На этой основе, начиная с 1998–1999 гг., в крайне жестких временных (до конца 2002 г. для Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Словакии, Словении, Чехии, Эстонии и до конца 2004 г. для Болгарии и Румынии) и переговорных рамках (Страны «поояса соседства»..., 2024. С. 130–131), шло согласование параметров присоединения стран ЦВЕ к ОСП и имплементации в национальное законодательство ее правовых норм (составлявших тогда около 70% законода-

тельства ЕС), включая принятие агрохимических и пищевых требований и стандартов, завершение перехода к свободному рыночному обороту сельхозземель и т.д. Власти ЕС не шли на существенные уступки аграриям ЦВЕ, используя их взаимную конкуренцию за скорейшее присоединение к ОСП для получения финансовой поддержки бюджета ЕС и облегченного доступа на рынок его старых стран. По сути, единственной значимой уступкой стала отсрочка допуска богатых покупателей из западных стран ЕС к земельному рынку (на 12 лет для Польши и 7 — для остальных новых стран). Конкурентоспособность фермеров и пищевиков ЦВЕ искусственно занижалась путем установления лимитов на производство ряда базовых продуктов (зерна, сахара, молока), невыгодных нормативов для начисления субсидий из бюджета ЕС при установлении их стартового уровня лишь в 25% от среднего показателя для фермеров западных стран ЕС, фактического запрета работы пищевых предприятий, не соответствующих санитарным нормам и выпускающих продукцию по рецептурам, не отвечающим принятым в ЕС. На этом фоне было прекращено (в Латвии, Словении) или заметно сокращено (в Венгрии, Польше) производство и переработка сахарной свеклы, производство растительного масла (в Венгрии), закрыты многие пищевые предприятия (Европейский союз и новые страны..., 2008. С. 247–243). В то же время, несмотря на сохранявшиеся таможенные и санитарные ограничения старых стран, доля рынка ЕС в агропродовольственном экспорте ЦВЕ за 1999–2004 гг. возросла в 1,2 раза, превысив 60% (Vojnes, Fertő, 2015, P. 6)⁴.

В целом эффективность первого этапа определялась способностью стран ЦВЕ по возможности привязать систему ОСП, разработанную по образцу старых стран ЕС, к местным условиям рыночно-демократической трансформации. В странах, располагавших реально и исторически значимыми аграрными партиями, они заметно повлияли на ход такой привязки — положительно, поддерживая прагматический нацеленный на перспективу курс реализации рыночных реформ, например в Польше, или негативно — продавливая популистские решения, способствовавшие чрезмерной

-
4. Во второй половине переломного 2004 г. на фоне ухудшения динамики АПК ЦВЕ экспорт в старые страны ЕС рос медленнее импорта. Это привело в ряде стран ЦВЕ к быстрому росту потребительских цен почти на все виды продовольствия, а затем их стабилизации на более высоком уровне.

парцеллизации сельхозземель и разрушению материально-технической базы бывших крупных социалистических хозяйств и ухудшавшие стартовые условия адаптации к ОСП – в Болгарии (Буздалов, Фрумкин, 1993а,б; Vizogány, Varga, 2025. Рр. 2922, 2928). В результате первого этапа большинство стран ЦВЕ официально присоединились к ОСП, приняв и имплементировав в национальные законодательства ее правовые нормы и в основном унифицировав систему госрегулирования в АПК. Однако, «младоевропейцы» были разобщены из-за индивидуализации переговорного процесса – в 2004 г. с коллективной декларацией по общим вопросам присоединения к ЕС, включая АПК, выступила лишь Вишеградская группа, объединявшая Венгрию, Польшу, Словакию и Чехию. Отсутствовало реально значимое представительство ЦВЕ в ведущих институтах ЕС. Так, официально членом Еврокомиссии (ЕК) по сельскому хозяйству и развитию села в мае–ноябре 2004 г. был представитель Латвии, не обладавший необходимыми компетенциями в сфере аграрной политики и опытом работы со структурами ЕС. Поэтому в этот период страны ЦВЕ фактически не влияли на ОСП.

На втором этапе преобладал внутренний экономический фактор, усиливалась интеграционная активность стран ЦВЕ. Они постепенно переходили от копирования или имитации западной практики к адаптации, хотя преимущественно пассивной, к реализации и развитию ОСП. В регионе ЦВЕ заработали (иногда в упрощенной форме) основные механизмы этой политики, а также единая система сбора и анализа бухгалтерских данных фермерских хозяйств, обеспечивавшая институты ЕС микроэкономической информацией для оценки эффекта мер ОСП в аграрном секторе конкретных стран, в том числе его инвестиционной привлекательности.

В этот период в большинстве стран ЦВЕ-11 фактически завершилась рыночная перестройка аграрного сектора, причем наряду с позитивными (модернизация и реструктуризация сельхозпроизводства и его участия в национальной продовольственной системе) выявились и негативные (социально-экономические сдвиги, подрывающие функционирование мелких хозяйств и традиционных сельских сообществ и ведущие к депопуляции сельских регионов) последствия. Национальные политики стран ЦВЕ дифференцировались из-за различного сочетания новых форм аграрного капитала (от

крупных фермерских хозяйств до многоотраслевых агрохолдингов) и аграрной ретроэкономики (мелких ферм и других предприятий на селе), нестыковки наступающих новых и не полностью побежденных прежних подходов к администрированию процесса развития сельского хозяйства и села, а также необходимости учитывать это при выполнении требований ОСП (Фрумкин, 1993. С. 117–121; 2004а. С. 8–12, 2004б. С. 31–37; *Jehlička et al.*, 2020. Рр. 294–295).

В целом страны ЦВЕ-11 оставались на периферии при выдвижении ключевых инициатив по реформированию аграрной политики. Предпочтения и пожелания новичков учитывались ограниченно. Однако по мере закрепления в главных институтах ЕС (Евросовете, Еврокомиссии и Европарламенте) «младоевропейцы» получали возможность реально влиять на решение вопросов развития стратегии и механизмов ОСП, предлагая корректировки, не противоречащие коренным интересам западных стран-членов и политически целесообразные для прогресса евроинтеграции. По менее значимым, преимущественно тактическим вопросам, страны ЦВЕ-11 выступали с собственными (в том числе коллективными) предложениями. В начале этапа это были преимущественно просьбы по второстепенным для «старых» стран мерам (в 2005–2006 гг. – Польши о субсидировании экспорта «вне ЕС» пшеницы и молокопродуктов, Латвии, Литвы и Польши – о компенсации потерь фермеров из-за погодных аномалий, Польши – о введении антидемпинговой пошлины на импорт некоторых нишевых продуктов из Китая и т.п. (Страны «пояса соседства»..., 2024. С. 133)). Кроме того, некоторые страны ЦВЕ-11 попытались использовать возможности ОСП для продвижения своих интересов в третьих странах. Так, в 2007 г. под предлогом «политического характера» российского эмбарго на импорт мяса Польша пыталась отозвать согласие ЕС на вступление России в ВТО и сорвать переговоры по соглашению о стратегическом партнерстве ЕС и РФ (Россия и мир: 2008... 2007. С. 117–118).

Позднее активизировались «групповые» инициативы. Так, за 10 лет (2007–2016 гг.) страны Вишеградской группы заметно активизировали консультационно-лоббистскую работу на уровне ЕС, в том числе 5 раз выступив с коллективными официальными заявлениями по проблемам АПК (Четверикова, 2022. С. 38). Однако

по важным корректировкам ОСП, например, начавшимся в 2006–2008 гг. реформам системы внутреннего (отмене фиксированных национальных квот производства и регулируемых цен) и внешнего (субсидированию экспорта и ограничению импорта извне ЕС) регулирования рынков сахара и молока, принимались решения, менее выгодные для стран ЦВЕ-11. Так, реформа сахарного сектора привела к снижению в них посевов сахарной свеклы на 15–34%.

На этом этапе начала отрабатываться практика блокирования (преимущественно неформального) отдельных групп (а иногда и большинства стран ЦВЕ) с заинтересованными «старыми» участниками ЕС для лоббирования стратегических и тактических решений в институтах ЕС (прежде всего в профильных комитетах Европарламента и в Еврокомиссии). Такое блокирование, как правило, объединяло страны Вишеградской группы и Балтии (при пассивном отношении Болгарии, Румынии, Словении и Хорватии) и заинтересованные в сильном аграрном протекционизме западные страны ЕС (Францию, Италию, Испанию, Грецию при умеренной и кондициональной поддержке Австрии и Германии) против блока так называемых «экономных» «старых» стран либерально-рыночной ориентации с эффективным национальным АПК (Нидерландов, Дании, Швеции, Финляндии, иногда Бельгии и Люксембурга). Последние выступали за большее рыночное саморегулирование в рамках ЕС и снижение расходов его бюджета на ОСП. Пиком «восточно-западного» лоббирования стало назначение в 2010 г. «аграрным» еврокомиссаром бывшего министра сельского хозяйства (и будущего премьера) Румынии Д. Чолоша, декларировавшего приоритет «сильной», хорошо финансируемой ОСП как базы поддержания «процветающего сельскохозяйственного сектора» для обеспечения продовольственной безопасности, «справедливого уровня жизни» фермеров, защиты сельских регионов. Ему удалось защитить ведущее положение ОСП в евроинтеграции (прежде всего минимизировать сокращение расходов на нее бюджета ЕС), а также подготовить и начать в 2013 г. реформу ОСП с благоприятными для ЦВЕ новациями (повышением прямых погектарных субсидий фермерам при выравнивании их размеров не только между странами, но и внутри них; упрощением выплат малым фермам и возможностью перенаправлять часть средств с социальных целей

на поддержку производства, и наоборот; применением особых мер стабилизации на некоторых рынках, созданием особого кризисного резерва для компенсаций фермерам потерь в чрезвычайных ситуациях др.).

За период «еврокомиссарства» Д. Чолоша (2010–2014 гг.) фермерские доходы в регионе ЦВЕ возросли более чем на 25%, опередив их динамику в среднем по ЕС. Однако сохранялись и принятые ранее в рамках корректировки ОСП «Проверка здоровья» в 2008 г. невыгодные для большинства стран ЦВЕ направления по «озеленению» сельхозпроизводства, существенно увязывавшие его прямую поддержку из общего бюджета с повышением агроэкологических требований, разнообразием возделываемых культур, выводом из оборота части пашни при одновременном снижении лимитов субсидий для крупных хозяйств, лучше приспособленных для таких изменений. Вообще «старые» страны ЕС неохотно шли на увеличение расходов ОСП в регионе ЦВЕ. Так, в 2011 г. они урезали новые заявки «восточноевропейцев» на ее финансирование под предлогом мобилизации средств на борьбу с бюджетно-долговым кризисом в зоне евро (Россия и мир: 2012... 2011. С. 96).

На третьем этапе внутренний регионально-интеграционный, преимущественно экономический фактор развития ОСП вновь уступил первенство внешнему геополитическому, теперь уже глобальному. Условно можно разделить этот этап на несколько периодов. В 2017–2019 гг. аграрная стратегия ЕС (включая ЦВЕ-11) в основном сохраняла традиционные цели, направления, объемы и структуру финансирования при небольших корректировках в связи с достаточно успешным восстановлением подорванной мировым экономическим кризисом 2008 г. геополитической позиции ЕС. В 2020–2024 гг. новое ослабление этой позиции из-за мировой «ковидно-пандемийной» рецессии потребовало адекватного реагирования на внешние политические вызовы при определении стратегии развития ЕС. Повысить международную конкурентоспособность и политическую значимость ЕС предполагалось, акцентируя экоклиматическую составляющую устойчивого социально-экономического роста. В рамках так называемой «Зеленой сделки» намечалось обеспечить «прорыв», а затем — глобальное лидерство в экоклиматически дружественных технологиях и соответствующей

щих организационно-правовых механизмах в ключевых секторах экономики, превратив Евросоюз к 2050 г. в образцовый «климатически-нейтральный регион» мира. Применительно к региональному АПК такая «геополитически-ориентированная» стратегия впервые в истории ЕС фактически была разработана и проведена не «отраслевым аграрным» еврокомиссаром, а курировавшим всю «Зеленую сделку» вице-председателем Еврокомиссии, исходя из ее общего целеполагания и параметров. Резко снизилась возможность защиты АПК стран ЦВЕ, на которую они рассчитывали, продвинув (в жесткой борьбе с «экономными» старыми странами ЕС) на должность еврокомиссара по сельскому хозяйству и продовольствию бывшего председателя Польской крестьянской партии и активного лоббиста интересов аграриев в Европарламенте Я. Войчеховского.

Продавленная бюрократической верхушкой ЕК новая аграрная стратегия «От фермы до стола» и скорректированная на ее основе ОСП на 2023–2027 гг. при формальном приоритете продовольственной безопасности и соблюдении прежних целей и принципов начали утрачивать автономность в их практической реализации. Акцентировалось увеличение вклада АПК в замедление и ограничение изменения климата (митигацию) и приспособление к его последствиям (адаптацию); улучшение управления используемыми в сельском хозяйстве природными ресурсами – водой, почвой и воздухом; усиление защиты биоразнообразия и услуг экосистем в рамках агро- и лесных территорий при поддержании социальной устойчивости аграрного сектора. Конкретно намечались: в растениеводстве – утроение доли площадей органического земледелия – до 25%, снижение применения химических удобрений на 20%, пестицидов – на 50%; в животноводстве – переход на экологичные технологии кормления скота и утилизации навоза, применение альтернативных кормов, сокращение на 50% продаж ряда ветпрепаратов (Страны «пояса соседства»..., 2024. С. 138); в сфере защиты природы – секвестрация углекислого газа на основе фермерских практик, поглощающих его из атмосферы и накапливающих в почве; возвращение к 2030 г. в природное состояние минимум 10% сельхозземель и др.; в области потребления – снижение потерь в торговле и потреблении продовольствия на 50%, а также сокращение в диете доли мяса и мясопродуктов

в пользу фруктов, овощей и бобовых, потенциально уменьшающее «экологический след» АПК. Такие планы вызвали обоснованное беспокойство и противодействие аграриев ЕС, поскольку не предусматривали дополнительного финансирования соответствующего инновационно-технологического и инвестиционного обеспечения ОСП. Возникали реальные угрозы нарушения нормального функционирования АПК и подрыва региональной продовольственной безопасности. Ввиду отсутствия официальных расчетов Еврокомиссии, аграрии ЕС при оценке негативного эффекта вначале опирались на прогноз Минсельхоза США, согласно которому при самом умеренном варианте «озеленения» ОСП к 2030 г. сельхозпроизводство в ЕС могло сократиться на 12%, валовой фермерский доход – 16%, агропродовольственный экспорт – на 20% при повышении цен продовольствия на 17%. Позднее уже эксперты ЕС оценили возможное снижение производства в ЕС-27 зерна в 15%, мяса – 14%, овощей – 12%, молока – в 10% (*Barreiro-Hurlé J.*, 2021. Рр. 40–43).

Особенно сильный удар ожидал страны ЦВЕ в силу меньшего уровня общеэкономического развития (особенно в аграрных регионах), отставания в применении агрохимикатов и сельхозтехники, а также масштабов органического земледелия, при распространённости мелких ферм, не имеющих возможностей для сокращения сельхозземель и инвестирования в новые технологии⁵. По оценкам на основе многоотраслевой эконометрической модели, при полной реализации первоначальных наметок новой аграрной стратегии минимальное снижение сельхозпроизводства могло бы составить 10% при сокращении общего ВВП ЕС-27 на 0,25%. Причем наиболее экономически пострадавшими могли бы оказаться Болгария, Венгрия, Литва, Польша, Румыния и Хорватия (*MainarCausapé A., Martínez Y.*, 2025. Рр. 9–10).

В организационно-управленческом аспекте ситуация осложнялась введением нового комплексного инструмента реализации аграрной политики – Национальных стратегических планов развития сельского хозяйства (НСП). Они интегрировали конкретные меры,

5. В первой по объёму сельхозпроизводства стране ЦВЕ-11 – Польше продажи пестицидов в 2–2,5 раза меньше, чем в ФРГ и Франции при сопоставимой площади пахотных земель. Доля второго в регионе производителя сельхозпродукции – Румынии в валовой продукции сельского хозяйства ЕС-27 существенно ниже ее доли в числе ферм.

финансы и инструменты ОСП с учетом специфики стран. Акцент в НСП делался на выполнении странами обязательных стандартных (около 20 единых норм управления фермами и поддержания хорошего сельскохозяйственного и экологического состояния земельных и водных ресурсов, как правило, более жестких, чем прежние) и добровольных повышенных (в рамках особых финансовых инструментов – прежде всего экосхем) требований. Первые – нацелены на стандартный уровень экоклиматической устойчивости сельхозпроизводства, вторые – на внедрение «прорывных» экоклиматически ориентированных сельхозпрактик. На них выделялось, соответственно, 50 и 26% финансирования стран из бюджета ОСП, причем фактически вторая часть формировалась за счет сокращения первой, прежде прямо поддерживавшей действовавшее фермерское производство.

Правительства стран ЦВЕ-11 неоднозначно отнеслись к этой реформе. Формально НСП расширяли их самостоятельность в выборе наиболее эффективных в конкретных условиях стран и их регионов путей реализации общих установок и мер ОСП. Однако, по сути, усиливали их зависимость от институтов ЕС, прежде всего Еврокомиссии. Она давала странам фактически почти обязательные «рекомендации» по подготовке НСП, утверждала эти планы, отслеживала выполнение согласно утвержденным параметрам и имела право применять санкции при их нарушении.

Еще сильнее были недовольны большинство фермеров, т.к. им фактически предлагалось адаптироваться к ужесточенным стандартам и ввести «сверхплановые» технологически-организационные практики без достаточного финансового стимулирования и компенсаций возможных потерь производства и дохода⁶. Кроме того, переход к НСП повышал и без того труднопереносимую бюрократическую оформительско-правовую нагрузку на власти, и особенно на фермеров, по участию в ОСП. Это особенно остро ощущалось на фоне затягивания выравнивания (как минимум) прямых погектарных платежей фермерам новых и старых стран ЕС. Первоначально намечалось завершить его к 2014 г., однако и в 2022 г. выше средней по ЕС-27 платежи были лишь в Словении и Хорватии, на уровне

6. Так, в Польше по этим причинам фермерами были востребованы лишь 8 экосхем – около трети из предложенных.

или близко к средней – в Венгрии, Польше и Чехии, в остальных 6 странах платежи были ниже, иногда – значительно⁷. В конце 2023 – начале 2024 г. недовольство переросло в массовые протесты фермеров 10 из 11 стран ЦВЕ против наиболее невыгодных для них элементов новой аграрной политики. Причем правительства фактически поддержали своих аграриев, используя их выступления как инструмент давления на институты ЕС и добиваясь смягчения, переноса сроков или освобождения от некоторых мер ряда категорий хозяйств. На «евросоюзном уровне» большинство стран ЦВЕ-11 активно участвовали в фактическом саботировании принятия Европарламентом ключевых для «зеленого перехода» в сельском хозяйстве, но очень беспокоивших аграриев, законов о восстановлении природы и здоровье почвы, использовании пестицидов и др. Ряд «младоевропейцев», добиваясь максимальных уступок со стороны Еврокомиссии, сознательно затягивали принятие своих НСП (планы Болгарии и Румынии были предпоследними, одобренными ЕК), а затем «продавливали» тактические корректировки уже принятых НСП (Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия).

Кроме того, в процессе формирования системы НСП странам ЦВЕ-11 при поддержке большинства старых стран-членов удалось сохранить общую наднациональную «двухопорную структуру» финансирования ОСП, гарантирующую фермерам субсидии из бюджета ЕС, хотя и при резком усилении с 2023 г. их экоклиматических и социальных акцентов. Первая опора – меры поддержки производства и рынка (прямые платежи фермерам, поддержка молодых фермеров, рыночное вмешательство) с гарантированным общим финансированием через Европейский фонд сельскохозяйственных гарантий – 75% расходов бюджета ЕС на ОСП, в том числе 24% (70 млрд евро только на экосхемы). Вторая опора – меры поддержки развития села (инвестиционного, экологического, социального, общественно-организационного) с гарантированным общим финансированием через Европейский сельскохозяйственный фонд сельского развития – 25% расходов бюджета ЕС на ОСП (в том

7. Summary report on the implementation of direct payments [except greening.] Claim year 2022. European Commission. April 2024 https://agriculture.ec.europa.eu/document/download/8707d160-1fed-45b1-aba8-bc9a6eca9846_en?filename=summary-report-implementation-direct-payements-claim-2022_en.pdf

числе 47% – 45 млрд евро только на агроэкоклиматические меры) с возможностью дополнительного софинансирования странами. Масштабы и комплексность этой структуры показаны на рис. 1–3.

Рис. 1. Две опоры ОСП, в текущих ценах, на ноябрь 2020 г.

Источник: Еврокомиссия.

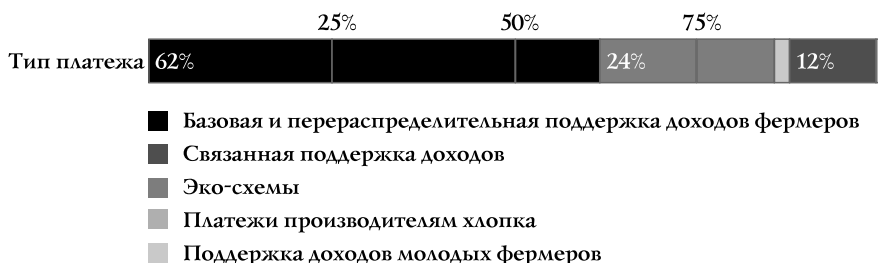

Рис. 2. Распределение прямых платежей в национальных стратегических планах на 2023–2027 гг.

Источник: Еврокомиссия.

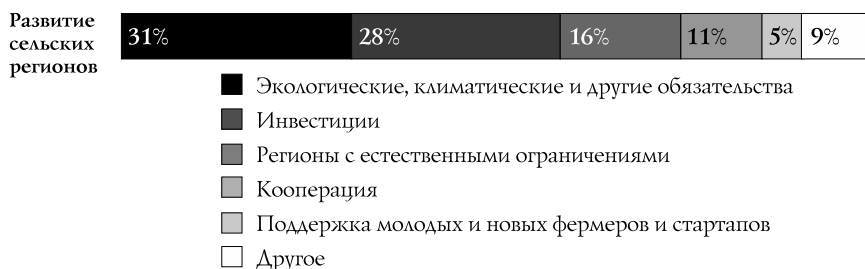

Рис. 3. Распределение финансирования развития сельских регионов. Доля финансирования развития сельских регионов, выделенная на различные проекты в 2023–2024 гг.

Источник: Еврокомиссия.

На национальном уровне некоторые страны ЦВЕ практически блокировали имплементацию ряда общих рекомендаций Еврокомиссии, например о восстановлении лесов, использовании в пищевом производстве заменителей традиционного сырья, осо-

бенно белка насекомых (Венгрия, Словакия, Румыния). Более того, впервые в истории участия в ОСП соседние с Украиной страны ЦВЕ (Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия) в 2023–2024 гг. почти одновременно приняли формально односторонние, но по сути однонаправленные, меры по сокращению либо запрету либерализованного с 2022 г. ввоза дешевого украинского продовольствия, фактически нарушая правила общей торговой и сельскохозяйственной политик ЕС. Позднее Еврокомиссия была вынуждена ввести общие ограничения на ввоз товаров, беспошлинный импорт которых был особенно чувствителен для фермеров ЦВЕ-11 и ряда западных стран ЕС (кукурузу, овес, крупы, яйца, мясо птицы, сахар и мед).

Тем не менее *начавшаяся «экологизация» ОСП породила реальную угрозу подрыва динамичного в целом развития аграрного сектора ЦВЕ-11 (особенно в сравнении со старыми странами — ЕС-15⁸) до перехода к стратегии «От фермы до стола» — в последовательные пятилетия периода 1999–2022 гг.* С 1999–2004 гг. по 2017–2022 гг. прирост сельхозпроизводства в регионе ЦВЕ составил 33%, почти вчетверо превысив показатель для старых стран ЕС. Основной вклад в эту динамику внесли страны с наибольшим аграрным природным и трудовым потенциалом (Польша, Румыния), более продвинутыми рыночно-структурными реформами (Венгрия, Латвия, Чехия), и особенно с удачным сочетанием этих факторов (Польша, Венгрия, Латвия, Литва, Чехия, Эстония). Отсутствие такого сочетания обусловило практическое отсутствие роста сельхозпроизводства в Болгарии, Словакии, Словении, Хорватии.

Несмотря на опережающий рост, объем сельхозпроизводства стран ЦВЕ-11 оставался ниже, чем в старых странах ЕС. Однако это было связано, частью с различиями в природном потенциале, технологическом и инфраструктурном уровне, которые нивелировали эффект сближения показателей ее интенсивности — производительности труда и продуктивности сельхозземель. Производительность труда в рассматриваемый период выросла во всех странах ЦВЕ-11, причем опережающими по сравнению со странами ЕС-15 темпами (рис. 4).

8. В ЕС-15 включены 14 стран, уже входивших в ЕС до 2004 г., и позднее вступивший Кипр (без учета Мальты, вклад которой в региональный АПК ЕС незначителен).

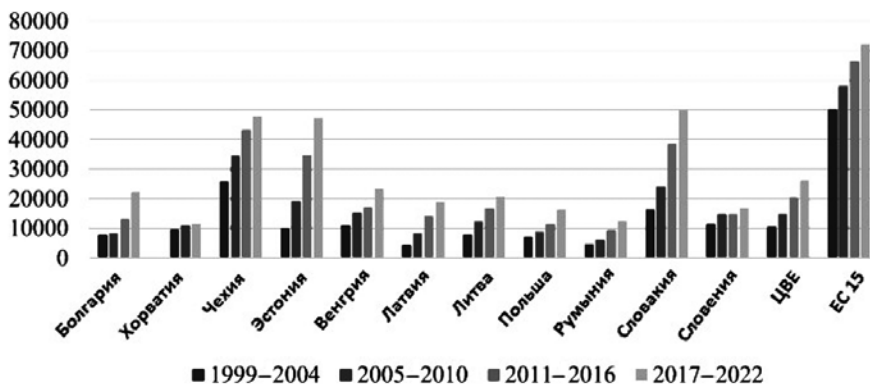

Рис. 4. Производительность труда в сельском хозяйстве Центральной и Восточной Европы (евро/годовая рабочая единица в ценах 2015 г.).
 Источник: Jambor A., Gorton M. Twenty years of EU accession: Learning lessons from Central and Eastern European agriculture and rural areas/Agricultural and Food Economics, 2024. Vol. 13(1). Pp. 1–17.

С 1999–2004 гг. по 2017–2022 гг. рост производительности сельскохозяйственного труда в среднем по ЦВЕ-11 почти в 1,7 раза превысил динамику показателя ЕС-15, что позволило вдвое (до 2,5 раз) сократить исходное отставание Центральноевропейского региона от Западного. Наблюдалась заметная дифференциация страновой динамики (от 1,2 раза – Хорватия, до 5 раз – Эстония), а также абсолютных уровней производительности (самые высокие в Словакии, Чехии и Эстонии, близкие к средним по ЦВЕ – в Венгрии, самые низкие – в Румынии и Хорватии). Она преимущественно обусловлена неравномерностью структурной и технологической адаптации к предоставляемым ОСП возможностям. Это более развитая исходная технологически-производственная и инфраструктурная база, относительно быстрая рационализация структуры земельной собственности и производства, близость к крупным зарубежным рынкам сбыта, инвестиционная привлекательность аграрного сектора – в первой группе стран и чрезмерная парцеллизация ферм, излишки трудовых ресурсов и сельская бедность, слабость материально-технического и инфраструктурного обеспечения, низкая инвестиционная привлекательность и отсутствие достаточного финансирования – во второй. В Польше при уровнях производительности ниже средней она показывала устойчивый рост, в том

числе благодаря укрупнению части уже существовавших семейных ферм, созданию достаточно крупных частных хозяйств на месте бывших госхозов, сохранению и развитию традиционных кооперационных структур, наличию емких рынков сбыта в соседних странах, активному привлечению инвестиций, включая зарубежные.

Позитивные тренды были характерны и для производства продукции на единицу площади сельхозземель в большинстве стран ЦВЕ-11 (рис. 5).

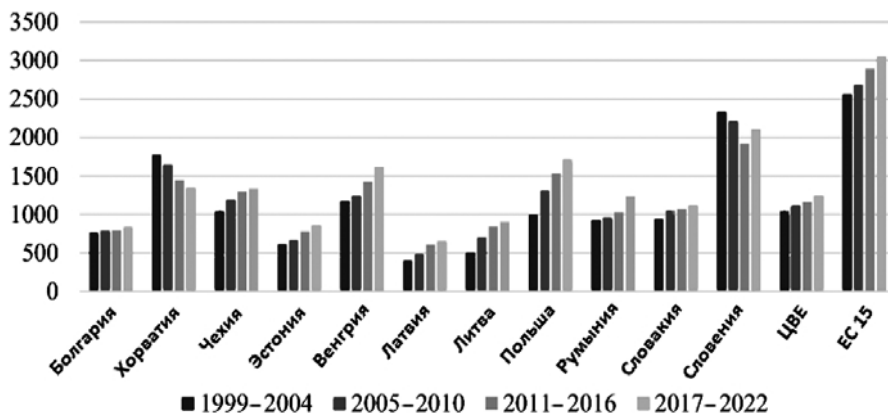

Рис. 5. Продуктивность земель в Центральной и Восточной Европе (евро/га в ценах 2015 г.)

Источник: Jambor A., Gorton M. Op. cit.

Динамика региональной продуктивности сельхозземель в ЦВЕ-11 и ЕС-15 практически совпала (рост примерно в 1,2 раза), поэтому первоначальный разрыв ее абсолютного уровня в 2,5 раза в пользу ЕС-15 сохранился до конца рассматриваемого периода. Причем в отличие от производительности труда, возросшей во всех странах ЦВЕ-11, продуктивность сельхозземель снизилась в Словении и Хорватии, в том числе из-за сильной и устойчивой фрагментации фермерских земель. Однако благодаря высоким исходным уровням земельной продуктивности (в 1999–2004 гг. показатель Словении – 2000 евро/га, был самым большим в ЦВЕ-11, вчетверо превышая самый низкий – в Латвии), они и в 2017–2022 гг. оставались в числе лидеров (занимая, соответственно, первое и четвертое места). Быстрее средней росла продуктивность сельхозземель в стра-

нах Балтии (вследствие успешной консолидации фермерских земель после деколлективизации), Венгрии и Польше (в связи с национальными мерами по поддержке конкурентоспособности сельхозпроизводства), Чехии (благодаря разумной рыночной аграрной политике).

Рост продуктивности сельхозпроизводства в целом позитивно повлиял на региональную продовольственную безопасность ЦВЕ-11, в том числе на сбалансированность внешней агропродовольственной торговли (рис. 6).

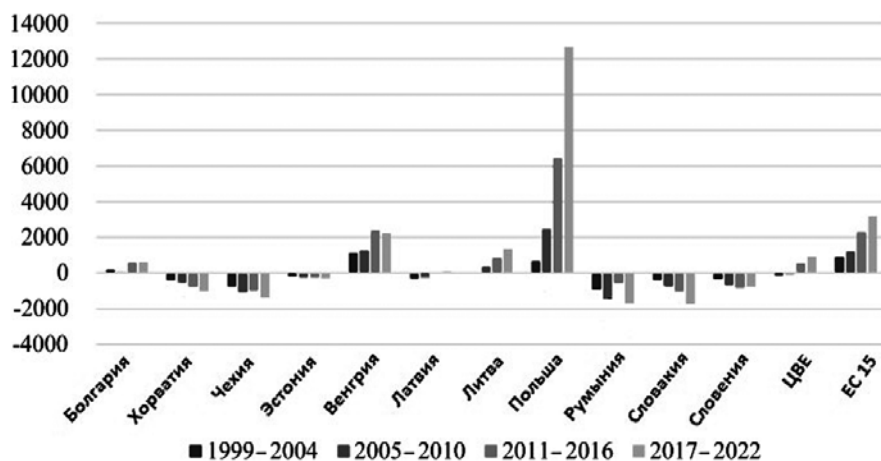

Рис. 6. Баланс внешней торговли агропродовольственными товарами Центрально- Восточной Европы (млн евро)

Источник: Jambor A., Gorton M. Op. cit.

В 2011–2016 гг. регион ЦВЕ-11 впервые достиг, а затем продолжал наращивать положительное сальдо внешней агропродовольственной торговли. Экспортными «локомотивами» стали прежде всего Польша (с начала 1990-х годов до 2024 г. повысившая экспорт продукции АПК почти в 11 раз — до более чем 50 млрд евро и вошедшая в число 15 крупнейших мировых экспортеров продовольствия) и, в меньшей степени, Венгрия, Литва, Болгария. Латвия вышла практически на нулевое торговое сальдо, а некоторые страны — чистые импортеры (Чехия, Словакия, Эстония) имели достаточно высокую степень самообеспечения по базовым продуктам (например, Чехия в 2023 г. в среднем по зерну, говядине, молокопродуктам и сахару — 78%). Во многом торговой динамике региона ЦВЕ-11 способствовала

связанная с адаптацией к ОСП его стратегическая переориентация на агропродовольственный рынок ЕС (прежде всего его старых стран) (Центрально-Восточная Европа..., 2025. С. 92, 93). Доля ЕС в экспорте ЦВЕ-11 возросла с примерно 50% в 1999 г. до более 70% в 2022 г., что позволило заметно сократить отставание положительного сальдо региона от сальдо ЕС-15. В 2024 г. она превысила 75%.

В научной литературе ЕС предпринимались попытки оценить комплексное влияние адаптации и участия стран ЦВЕ-11 в ОСП на развитие их АПК (Peng et al., 2024; Jambor, Gorton, 2024). В этом контексте оправданным и показательным представляется методологический подход (Jambor, Gorton, 2024), учитывающий динамику как вышеперечисленных, так и ряда других показателей (занятости в сельском хозяйстве, реального ВВП в стране и сельских регионах и др.) за 1999–2022 гг. Авторы использовали два аналитических индекса: первый, оценивающий динамику эффективности сельхозпроизводства стран после присоединения к ОСП по каждому показателю и суммарно, второй – сопоставляющий динамику всех национальных показателей и средних показателей по ЦВЕ-11 и ЕС-15. В результате анализа обоих индексов выявлены и ранжированы три кластера стран. Первый включает Литву, Латвию, Эстонию и Польшу – страны с самым высоким улучшением базовых показателей, т.е. наибольшим влиянием вступления в ЕС на аграрный сектор и сельские регионы, второй – Румынию, Словакию, Болгарию, Чехию и Венгрию со средними показателями, третий – Хорватию и Словению – с наименьшими показателями влияния ОСП на сельхозпроизводство и сельское развитие. Представляется правомерной увязка авторами динамики показателей с влиянием 4 групп контролируемых и неконтролируемых факторов, которые определяют принадлежность к кластерам: начальных «доинтеграционных» условий; политических рамок и действий до вступления в ЕС; административной готовности к адаптации; политики после вступления. Такая трактовка коррелирует с нашей периодизацией этапов адаптации стран ЦВЕ-11 к ОСП, а также с подходами экспертов ряда других стран ЦВЕ (Czarnecki, Zawalińska, 2024. Рр. 1–17).

Позиция отдельных стран ЦВЕ и их групп в общих показателях развития АПК ЕС-27 существенно зависима, однако не пропорциональна степени прогресса в рыночной трансформации

их аграрного сектора ввиду различий масштаба и качества производственных и демографических ресурсов (в том числе структуры сельхозугодий и занятости) и общеэкономического уровня стран. Поэтому вышеприведенные результаты в разной степени коррелируют с данными о месте стран ЦВЕ-11 в потенциале АПК ЕС-27 и расходах на ОСП (табл. 1).

Таблица 1. Доля стран ЦВЕ-11 в основных показателях развития АПК ЕС-27 (2024 г., %)

Страны	Площадь сельхозугодий	Сельское население	Занятость в сельском хозяйстве	Добавленная стоимость в сельском хозяйстве	Финансирование ОСП	Поддержка сельхоз-производителя*
Латвия	1,2	0,5	0,8	0,6	0,8	32,4
Литва	1,8	0,8	1,0	0,7	1,5	30,3
Эстония	0,6	0,4	0,2	0,3	0,6	30,3
Балтия, всего	3,6	1,7	2,0	1,6	2,9	30,8
Венгрия	3,1	2,4	2,7	1,7	3,8	22,6
Польша	8,9	13,4	16,5	7,8	8,8	21,5
Словакия	1,1	2,3	0,8	1,0	1,0	28,9
Чехия	2,2	2,3	1,8	1,9	2,1	25,2
Вишеград, всего	15,3	20,4	21,8	12,4	15,7	22,6
Болгария	3,1	1,4	2,1	0,8	2,0	29,7
Румыния	8,0	7,9	11,7	4,1	5,7	25,8
Восточные Балканы, всего	11,1	9,3	13,8	4,9	7,7	26,4
Словения	0,4	1,5	0,5	0,1	0,3	24,1
Хорватия	0,9	0,9	1,0	1,0	1,5	23,7
Западные Балканы, всего	1,3	2,4	1,5	1,1	1,8	23,8
ЦВЕ-11, всего	31,3	33,8	39,1	20,0	28,1	24,5

* Доля поддержки из бюджета ЕС в валовом фермерском доходе по странам (% , 2017 г.).

Примечание: средняя доля по ЕС-27 – 18,4%.

Источник: рассчитано по данным Всемирного Банка, ФАО ООН, ОЭСР, Еврокомиссии.

Как видно из табл. 1, в 2024 г. по общему уровню эффективности аграрный сектор ЕС-11 отставал от средней по ЕС-27 (его доля в региональной добавленной стоимости была ниже, чем в площади сельхозугодий и занятости). Однако против среднего уровня

в 1999–2004 гг. разрыв существенно сократился, что позитивно сказалось и на доле ЦВЕ-11 в агропродовольственном экспорте Евросоюза. В 2024 г. по зерну и мясу она превышала 30% (в натуральном выражении). Позиционирование ЦВЕ-11 в экспорте (как и производстве) регионального АПК Евросоюза преимущественно определяли страны Вишеградской группы и Балтии (прежде всего Польша, Венгрия, Литва, Чехия), в меньшей степени – страны Восточных и Западных Балкан.

Достижения ЦВЕ-11 особенно заметны с учетом меньшей доли «новичков» в общем объеме расходов бюджета ЕС на ОСП. Вместе с тем бюджетная поддержка ЕС для сельхозпроизводителей ЦВЕ-11 была более значима, чем для старых стран. Она формировала свыше 24% (от почти 23% до примерно 31% по группам стран) валового фермерского дохода против около 18% в среднем по ЕС).

В целом, итоги первого двадцатилетия участия в ОСП, несмотря на неравномерный, иногда даже хаотический, не всегда сбалансированный по интересам новых и старых участников евроинтеграции характер этого процесса, оказались положительны для региона ЦВЕ-11. Не во всех странах разрушение старого аграрного уклада оказалось достаточно созидательным. Однако большинству стран ЦВЕ-11 удалось преодолеть «адаптационные шоки», во многом благодаря именно наработке потенциала и практических навыков участия в развитии ОСП.

Важным аспектом этого участия была трансформация взаимосвязей ЦВЕ-11 с Россией, прежде всего торговых. В 2005–2013 гг. в торговле наблюдался в целом повышательный тренд. В 2013 г. доля России в агропродовольственном экспорте в среднем для ЕС составляла 10%, при 60–69% для Латвии, Литвы и Эстонии, 20–28% – Венгрии, Польши, Словакии, около 18% – Чехии. Однако на фоне уже начавшегося в России процесса продовольственного импортозамещения и ввиду возросшей после 2014 г. политизации взаимной торговли (эмбарго России на ввоз продовольствия в ответ на антироссийские санкции Запада) ее объемы заметно снизились. Эмбарго затронуло товары, формировавшие более 50% стоимости польского и литовского экспорта в РФ (мясомолочные и плодоовощные продукты), свыше 40% – хорватского и около 30% – венгерского) (Центрально-Восточная Европа..., 2025. С. 95).

Это повлияло на общее падение экспорта продукции АПК ЕС-27 в Россию в 2015 г. против 2013 г. примерно на 50%. Снизились и российский агропродовольственный экспорт в ЕС. Для смягчения негативного эффекта эмбарго страны ЦВЕ-11 активно включились в подготовку и реализацию компенсационных мер на уровне ЕС (поддержка из бюджета ЕС наиболее пострадавших фермеров плодоовощной и молочной отрасли, особенно из стран Балтии; содействие доступу на альтернативные внешние рынки, в том числе Китая, Республики Корея), а также на национальном и региональных уровнях, включая содействие экспорту на рынки стран ЕАЭС (за июль 2014 – июнь 2015 г. агропродовольственный экспорт ЕС, прежде всего молочный и плодоовощной, в Беларусь возрос на 9%, Казахстан – на 6%)⁹. В России активизировалась переориентация агропродовольственной торговли на дружественные страны вне ЕС. Только за 2010–2020 гг. доля ЕС в экспорте продукции АПК РФ снизилась с 13,5 до 10,9% при росте долей стран ЕАЭС и БРИКС, соответственно, с 3,5 до 14,3% и с 13,1 до 16,0% (Киселев и др., 2022. С. 71). В 2017–2021 гг. агропродовольственная торговля РФ–ЕС частично восстановилась, однако даже на пике в 2021 г. не достигала уровня 2013 г. После ужесточения борьбы санкций в 2022 г. из-за введения неправомерных ограничительных мер ЕС-27 объемы его агропродовольственной торговли (включая ЦВЕ-11) с РФ сократились до незначительных величин – в 2024 г. менее 3% в экспорте и менее 1% в импорте.

Лучше складывалась ситуация в торговле минудобрениями, от своевременного и правильного внесения которых примерно на 50% зависит урожайность базовых сельхозкультур. В связи с дефицитом удобрений в ЕС, частично связанным с сокращением его производства из-за удорожания импорта сырья и энергоносителей, российский экспорт удобрений в 2000–2024 гг. в целом оставался на высоком уровне. До середины 2025 г. на него не рас-

9. The Russian ban on agricultural products. European Parliament. Members' Research Service. Briefing April 2016. [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/581971/EPRS_BRI\(2016\)581971_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/581971/EPRS_BRI(2016)581971_EN.pdf); EU agrifood exports to Russia and neighbours (year-on-year % change in EU exports, July 2014-June 2015). <https://epthinktank.eu/2016/03/11/sanctions-over-ukraine-impact-on-russia/eu-agrifood-exports-to-russia-and-neighbours-year-on-year-change-in-eu-exports-july-2014-june-2015/> (дата обращения: 30.03.2026).

пространялись санкционные ограничения и высокие импортные пошлины, поэтому в начале 2024 г. РФ оставалась крупнейшим поставщиком удобрений в ЕС, обеспечивая 26,3% его импорта по стоимости и 28,4% по весу, что сопоставимо с уровнем досанкционного 2021 г. – 28,2 и 29,9%. Причем страны ЦВЕ-11 оставались более зависимыми от традиционных российских поставок: в 2024 г. только на Польшу, Румынию, Словению и Болгарию пришлось 42% импорта ЕС удобрений по весу.

Выводы

- Страны ЦВЕ-11 до сих пор образуют «менее богатый» и «более аграрный» субрегион ЕС при доле в показателях ЕС-27 (2023–2024 гг.):
 - населении, занятости и ВВП – 22, 21 и 12%;
 - сельском населении, занятости и добавленной стоимости в сельском хозяйстве – 34, 39 и 20%;
 - площади сельхозземель – 31%, числе ферм – около 60% (в том числе доля Польши и Румынии – более 45%);
 - финансировании фермеров из бюджета ЕС – 28%, в том числе производственно-рыночной поддержки – 25%, развития села – 34%;
 - экспорте ЕС зерна и мяса – более 30% (в физическом весе).При этом доля продовольствия в расходах домохозяйств ЦВЕ в 1,1 (Чехия) – 1,9 (Румыния) раза выше средней по ЕС-27 (13%);
- За 2015–2024 гг. страны ЦВЕ-11, оставаясь в целом «периферийными» в определении общей стратегии и ключевых параметров ОСП ЕС, приобрели опыт согласования и отстаивания собственной позиции по стратегическим и тактическим вопросам агропродовольственной евроинтеграции:
 - до 2022 г. при поддержке ряда «старых» стран ЕС способствовали сохранению ОСП с «двухпорной» структурой и достаточным финансированием, обеспечивающим глобальную конкурентоспособность сельского хозяйства, противодействуя принятию проектов Еврокомиссии по снижению расходов бюджета ЕС на ОСП и ее факти-

- ческой ренационализации; усложнению и удорожанию мер экологической кондициональности ОСП; вместе со старыми странами-членами добивались компенсации бюджетом ЕС потерь от серьезных нарушений на внутреннем и внешнем рынках, в том числе от продовольственного эмбарго России;
- после 2022 г. максимально использовали легальные возможности смягчения своих обязательств и адаптации к экоклиматическим параметрам стратегии «От фермы до стола», хотя их подготовка для каждой страны была регламентирована «рекомендациями» ЕК. Пытались отложить или смягчить введение широкого и жесткого набора производственно-экологических стандартов и новых социальных норм, а также не распространять их на ряд видов ферм; сохранить субсидии животноводству и др.;
 - активно участвовали в фактическом затягивании принятия Европарламентом ключевых для «зеленого перехода» в сельском хозяйстве, но неприемлемых для их фермеров, законов о восстановлении природы и здоровье почвы, использовании пестицидов, а также имплементации уже принятых решений, в том числе по применению в пищевом производстве заменителей традиционного сыра;
 - в интересах своих фермеров шли даже на фактическое нарушение правил общих торговой и сельскохозяйственной политик ЕС. Показательный пример – принятие 5 соседними с Украиной странами в 2023–2024 гг. практически однонаправленных мер по ограничению или запрету либерализованного ввоза дешевого украинского продовольствия. Они позднее стали основой введения Еврокомиссией единого специального защитного механизма в агропродовольственной торговле с Украиной;
- Страны ЦВЕ постепенно утрачивали позицию относительно «более ориентированного» на рынок России субрегиона ЕС-27:
- до 2014 г. они поддерживали достаточно активные отношения с АПК РФ как дополняющий и стабилизирующий фактор адаптации к ОСП;

- в то же время пытались использовать ОСП и общую торговую политику ЕС для защиты своих интересов в РФ (Польша, Болгария, страны Балтии);
- ввиду возросшей после 2014 г. политизации взаимной торговли (из-за эмбарго России на ввоз продовольствия в ответ на антироссийские санкции Запада) и ужесточения санкционного противостояния после 2022 г. (из-за введения неправомерного санкционного режима Запада) объемы агропродовольственной торговли ЦВЕ-11 с РФ сократились до незначительных величин;
- ввиду трудностей с замещением поставок российских минудобрений доля РФ в общем импорте удобрений Евросоюзом превышала 25%, причем свыше 40% объема импорта приходилось на страны ЦВЕ-11.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ СТРАН ЦВЕ-11 В ОБЩЕЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ЕС

Несмотря на определенное смягчение требований «экологизированной» ОСП, итоги 2023–2025 гг. в основном подтвердили негативный прогноз. Рост сельхозпроизводства в регионе ЦВЕ-11 (примерно на уровне или незначительно выше среднего по ЕС-27) наблюдался лишь в Польше, Венгрии, Словении и Словакии. Реальные фермерские доходы немного выросли только в Польше, Словении и Венгрии. В 2025 г. во всех «младоевропейцах», кроме Венгрии и Словакии, продовольственная инфляция заметно превысила среднюю по ЕС-27, хотя стоимость стандартной продовольственной корзины была ниже средней для ЕС во всех странах ЦВЕ-11, кроме Эстонии, Латвии и Хорватии.

От более серьезных негативных последствий экоклиматической «перестройки» ОСП страны ЦВЕ пока спасает гарантированное до конца 2027 г. сохранение ее скелета – «двухпорной структуры» организации и финансирования, фиксирующей и защищающей выплаты фермерам из бюджета ЕС, независимо от изменений экономической и политической ситуации в странах. Тем не менее, экоклиматическая трансформация общеэкономических приоритетов ЕС и соответствующая перестройка аграрной стратегии фактически способствовали появлению дезинтеграционного тренда в ОСП. Они сильнее ударили по менее крупным (большинство ферм ЕС-27 – преимущественно мелких, до 5 га – сосредоточены в Польше, Румынии и Венгрии), хуже подготовленным (по уровню и эффективности агрохимизации, механизации, информатизации,

научно-консультационного обеспечения и управленческо-организационного структурирования производства) сельхозпредприятиям стран ЦВЕ. Сказалось и ослабление исходного демографического преимущества их АПК – более молодого в целом аграрного населения. За две реформенные декады средний возраст занятых в сельском хозяйстве стран ЦВЕ достиг (в Латвии, Польше, Словении) или превысил (в Болгарии, Венгрии, Хорватии) средний возраст фермеров в ЕС-27. Моложе «среднеевропейского» уровня (57 лет) были только аграрии Литвы и Словакии, не игравших решающей роли в сельхозпроизводстве ЕС-27. Не была завершена и конвергенция прямых платежей фермерам в рамках ЕС-27, что снижало фактически гарантированный минимум фермерских доходов в регионе ЦВЕ.

На этом фоне усилились прежние или возникли новые разногласия стран ЦВЕ-11 с рядом старых государств ЕС и Еврокомиссией по вопросам конкретных целей, направлений и механизмов, по новациям Национальных стратегических планов развития сельского хозяйства (в том числе экосхемам), отношениям в отраслях АПК с третьими странами, особенно Украиной. Из-за политической фрагментации в регионе ЦВЕ-11 (сохранения до середины 2025 г. фактического раскола Вишеградской группы на венгеро-словацкую и польско-чешскую фракции, а также политической неопределенности в Болгарии и Румынии) усилились расхождения их позиций по общим аграрной и внешнеторговой политикам, особенно по соглашению с МЕРКОСУР – торговым блоком важных поставщиков продовольствия в ЕС (Аргентины, Бразилии, Уругвая и Парагвая) (Россия и мир: 2025..., 2024. С. 138, 140).

В 2025 г. обозначилась перспектива дальнейшего усиления дезинтеграционного тренда, чреватая принципиально новой, возможно экзистенциальной – угрозой для будущего ОСП. Она связана с разворачивающейся радикальной реформой приоритетов, структуры и механизмов исполнения бюджета ЕС как ключевого инструмента углубления региональной интеграции и международного позиционирования ЕС в условиях глобальной неопределенности. Бюджет на 2028–2034 гг. подчинен новой постановке задач и направлений развития ЕС, предложенной Еврокомиссией. В новом видении руководством Евросоюза (поддержанном рядом старых стран, в том числе Германией и «экономными» странами) развития

сообщества акцентируется переход от преимущественно отраслевого и секторального подхода к проблемно-программному, выделяющему блоки: социально-экономического роста (включающего прежние общие политики развития сельского и рыбного хозяйства, регионального развития, сплочения); обеспечения глобальной конкурентоспособности (инновационно- инвестиционной и оборонной); активизации внешних сношений (подготовки расширения ЕС, прежде всего за счет Украины, реагирования на «изоляционистскую» стратегию США и агрессивную экономическую экспансию Китая, поиска альтернативных стратегических партнеров в Латинской Америке – МЕРКОСУР, частично в Азии – Индия, Вьетнам – и Океании – Австралия и Новая Зеландия).

На очередную «бюджетную семилетку» закладывалось снижение финансирования традиционно приоритетного внутренне-ориентированного социально-экономического блока евроинтеграции до 44% бюджета при росте расходов на международно-целевые блоки: конкурентоспособности (в том числе на оборону – в 5 раз) и внешней политики – до 47% (Wulff Wold J. et al., 2026).

Применительно к ОСП такая смена курса внутри ЕС по сути означает отход от ее относительной самостоятельности в разработке и реализации при сохранении навязываемой линии на «экологизацию» АПК; дальнейшее сокращение расходов на аграрную политику при растворении их в новом общем фонде социально-экономической ориентации; гарантирование только расходов бюджета ЕС на поддержку сельхозпроизводства, предполагающую внутри-страновую конкуренцию за средства на развитие села с другими общими политиками, т. е. ренационализацию ОСП. Внутренняя «десубъективизация» аграрной политики коррелирует с минимизацией учета ее требований при переносе акцента во внешнеэкономической и внешнеполитической активности на лидерство по созданию глобальных зон свободной торговли ЕС, прежде всего с МЕРКОСУР – с потенциальным рынком в 700 млн человек и Индией – около 2 млрд человек.

В целом принципиальные изменения структуры организации и финансирования деятельности ОСП ЕС включают:

- объединение расходов бюджета Евросоюза на ОСП, общие политики рыболовства и морского хозяйства, социаль-

- ного и территориального сплочения, частично обеспечения внутренней безопасности (пока финансируемых более чем десятью отдельными фондами и инструментами ЕС) в новом едином Фонде национального и регионального партнерства – ФНРП (865 млрд евро, или 44% общих расходов бюджета ЕС), финансирующем Планы национального и регионального партнерства (ПНРП) стран;
- подрыв традиционной автономности ОСП (нарушение единства и ренационализация ее финансирования, навязываемая конкуренция с другими политиками;
 - ликвидацию «двухопорной» структуры ОСП и двух отдельных фондов ее финансирования при сохранении основных инструментов поддержки фермеров;
 - интеграцию Национальных стратегических планов сельского хозяйства в «мегапланы» ПНРП;
 - фиксацию в рамках ФНРП защищенных от перераспределения расходов бюджета ЕС только на бывшую первую опору ОСП (поддержку доходов фермеров), некоторые меры второй опоры и резерв для компенсации фермерам потерь от рыночных и климатических колебаний;
 - отказ от гарантирования бюджетом ЕС расходов на остальные меры бывшей второй опоры ОСП при установлении их странами самостоятельно из остающейся у них части средств ФНРП;
 - сокращение гарантированных расходов на ОСП в абсолютном (с 387 до 300 млрд евро) и относительном выражении (с 31 до 15% в общем бюджете ЕС и с 46 до 34% в совокупных расходах на агрегированные в ФНРП политики);
 - ослабление защиты АПК ЕС от внешней (в том числе недобросовестной) конкуренции вследствие в ускоренном порядке подготовленных (с Австралией) и подписанных (с МЕРКОСУР и Индией) в январе 2026 г. соглашений о свободной торговле, а также уже сделанных в этой области в 2025 г. торговых уступок по беспошлинному импорту США и Украине.

Возможные последствия таких изменений для финансирования ОСП иллюстрируют рис. 7, 8.

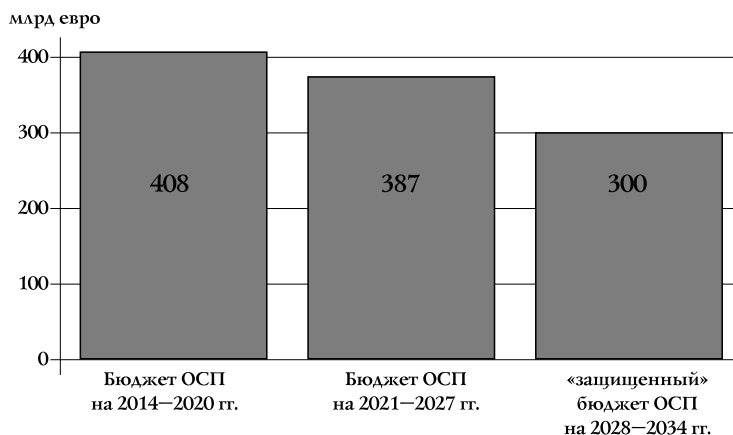

Рис. 7. Сравнение бюджетов ОСП, млрд долл.

Источник: Еврокомиссия.

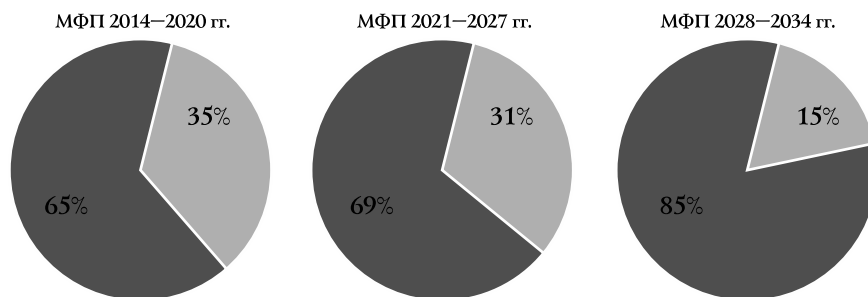

Рис. 8. Доля расходов на ОСП в бюджете (МФП) ЕС, %

Источник: Еврокомиссия.

Предложения Еврокомиссии по ОСП вызвали негативную реакцию стран ЦВЕ-11, несмотря на намечаемое повышение их общего участия в бюджете 2028–2034 гг. Против объединения ОСП и политики сплочения официально выступили правительства 90% стран региона, против сокращения расходов на эти политики – 80%. Против обоих предложений высказалась подавляющая часть членов национальных парламентов и «европарламентариев» от стран ЦВЕ-11, практически независимо от их партийной принадлежности. Активность ЦВЕ-11 во многом способствовала принятию Европарламентом в сентябре 2025 г. жесткого заявления по поводу аграрного аспекта бюджетного проекта Еврокомиссии: «Мы не можем поддерживать ни сокращения, ни попытки нацио-

нализировать ОСП или объединить ее финансирование с другими инструментами ЕС. Прежде всего, мы должны обеспечить прямые выплаты фермерам; это основа их доходов и наиболее эффективный инструмент обеспечения продовольственной безопасности и территориального баланса по всей Европе» (*Parliament ...*, 2025).

По либерализации агропродовольственной торговли, переговоры о которой продолжались от 8 лет (Австралия) до 25 лет (МЕРКОСУР), позиция большинства стран ЦВЕ-11 пассивно-негативная, активно против выступают лишь Польша и Венгрия. Тем не менее *преимущественное совпадение позиций очень актуально в связи с потерей «центральноевропейцами» поста еврокомиссара по сельскому хозяйству и возможностью лишь косвенно участвовать в подготовке предложений и контроле за развитием ОСП* – в рамках компетенций еврокомиссаров по бюджету П. Серафина (Польша), торговле и экономической безопасности М. Шефчовича (Словакия), декларировавших «учет жизненных интересов» фермеров и «гибкость» в решении конкретных вопросов финансирования ОСП.

Активная позиция правительств и европарламентариев ЦВЕ-11 заставила Еврокомиссию в январе 2026 г. предложить значительные корректировки проекта бюджета 2028–2034 гг., прежде всего – рекомендацию странам направлять 10% «незащищенных» средств Планов национального и регионального партнерства на инвестиции в сельские регионы (что может сократить намеченное сокращение общих расходов на ОСП против уровня 2021–2027 гг. с 23 до 8%); разрешение их фермерам ускоренного доступа к бюджетному финансированию ЕС (в размере 45 млрд евро) с 2028 г.; создание «Единой сети безопасности» от рыночных потрясений в 6,3 млрд евро – вдвое больше нынешнего кризисного резерва.

Менее эффективны пока усилия стран ЦВЕ-11 по противодействию либерализации торговли продукцией АПК с третьими странами. В 2025 г. страны ЦВЕ пролоббировали решение Еврокомиссии о восстановлении значительной части защитных мер в отношении агропродовольственного импорта из Украины, временно отмененных после начала СВО¹⁰. До этого, благодаря льготному режиму,

10. Такие меры были важным элементом Соглашения об ассоциации Украины с ЕС 2014 г. в силу большей конкурентоспособности базовых агропродовольственных товаров Украины на рынке Евросоюза. (Ассоциация Украины..., 2014. С. 8–9).

в 2024 г. Украина вывезла в ЕС-27 агропродовольственных товаров на 13,2 млрд евро, покрывая по базовым продуктам от 20% (растительные масла) до 46% (зерно) импорта Евросоюза. Причем в 2023 г. среди 10 стран ЕС – ведущих импортеров украинской пшеницы 4 были из ЦВЕ (Венгрия, Польша, Румыния, Словакия), кукурузы – 5 (Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Словения), мяса птицы – 6 (Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Словения). В ЕС Польша была главным импортером украинского рапсового и соевого масел, соевого и подсолнечного шротов, меда; Болгария – семян подсолнечника; Румыния – сахара. Это создавало реальную угрозу затоваривания на их аграрных рынках и заставило национальные правительства принять защитные меры, хотя часть крупных сельскохозяйственных и пищевых предприятий поддерживали ввоз дешевых украинских кормов и продовольственного сырья. Введение защитных мер сократило в 2025 г. стоимость импорта Евросоюзом продукции украинского АПК на 19%, а его долю во всем продовольственном импорте ЕС – на 25%. Присоединение же Украины к единому рынку ЕС означало бы появление на нем еще больших, чем прежде, объемов беспошлинных, неквотируемых конкурентоспособных агропродовольственных товаров, угрожающее «внутриевросоюзному» экспорту стран ЦВЕ-11.

Особое беспокойство и противодействие аграриев ЦВЕ-11 вызывает обсуждаемая на уровне ЕС возможность принять Украину в ЕС в формате «обратного расширения» (принятия в целом, а уже затем – завершения переговоров по конкретным направлениям, в том числе ОСП) уже в 2028 г. Учитывая площадь сельхозугодий Украины и размер ее ферм выше среднего по ЕС-27 (в том числе ЦВЕ-11), членство в ЕС сделало бы ее крупнейшим бенефициаром ОСП, на 20% сократив субсидии фермерам нынешних стран ЕС-27. Реализация этих намерений чревата резким падением доходов и массовыми банкротствами фермеров, социально-политическим кризисом в сельских регионах и подрывом продовольственной безопасности в регионе ЦВЕ-11.

В отношении МЕРКОСУР (доля в агропродовольственном импорте ЕС-27 в 2025 г. – в 2,5 раза выше украинской) «восточноевропейское» лобби не сработало, несмотря на усилия лидеров аграрного экспорта ЦВЕ-11 – Венгрии и Польши. По соглашению

МЕРКОСУР получает право на ввоз в ЕС товаров (преимущественно с невысокой степенью обработки): по сниженной пошлине 99 тыс. т говядины (около 50% ее импорта из МЕРКОСУР в 2024 г.), 25 тыс. т свинины, а также беспошлинно 180 тыс. т мяса птицы (60% импорта в 2024 г.), 60 тыс. т риса (около 30%), 180 тыс. т тростникового сахара-сырца, 450 тыс. т этанола и 45 тыс. т меда (почти вдвое больше импорта в 2024 г.). Взамен ЕС сможет ввозить в страны МЕРКОСУР по сниженным пошлинам или беспошлинно продукты с более высокой добавленной стоимостью – оливковое масло, сыры, вино и спиртные напитки, шоколад и т.п.

Большинство стран ЦВЕ-11, обоснованно опасаясь конкуренции на рынке ЕС более дешевого (хотя и не всегда отвечающего стандартам ОСП) латиноамериканского продовольствия, не надеются на рост ответного экспорта. В 2024 г. экспорт региона в МЕРКОСУР составлял 125 млн евро – 4% агропродовольственного экспорта туда ЕС-27 и намного меньше, чем, например, Италии или Испании. Для основных экспортеров ЦВЕ-11 в МЕРКОСУР – Польше и Венгрии – либерализация ввоза из МЕРКОСУР мяса птицы, говядины, свинины, сахара невыгодна из-за угрозы обострения конкуренции и снижения доходов на едином рынке ЕС. С другой стороны, их поставки на латиноамериканский рынок составляют незначительную часть их вывоза (в Польше менее 1%). Расширение поставок для них проблематично, в отличие от ряда западных стран, рассчитывающих на заметное увеличение экспорта дорогих продуктов – вина, спиртных напитков, оливок и оливкового масла, плодоовощной продукции, сыров – особенно дорогих, защищенных международно признанными указаниями географического происхождения¹¹. Подобный дисбаланс реален и для ряда других стран ЦВЕ – стран Балтии, Словакии, Словении, Румынии. Однако они не хотят ссориться с Еврокомиссией и стоящими за ней Германией и большинством других западных стран ЕС, на нынешнем переломном этапе евроинтеграции. Поэтому Венгрия и Польша, даже при поддержке Австрии, Ирландии и Франции, не смогли создать блокирующего меньшинства для отклонения соглашения с МЕРКОСУР.

11. Так, из 344 защищенных подписанным соглашением на рынке МЕРКОСУР географических указаний продовольственных товаров из ЕС-27 на ЦВЕ-11 приходится лишь 41, или 12%.

Однако по инициативе и под общим руководством Польши в конце января 2026 г. была организована группа министров сельского хозяйства с участием Венгрии, Словакии и Австрии (с возможным присоединением Франции) для борьбы за более справедливые принципы агропродовольственного импорта, введение постоянно действующего защитного механизма и создание фонда ЕС, компенсирующего потери аграриев от импорта извне. Европарламент при активном лоббировании представителей от ЦВЕ-11 в феврале 2026 г. уже потребовал от Еврокомиссии включить в соглашение защитный механизм. Он позволял бы временно приостанавливать действие преференций на импорт из стран МЕРКОСУР «чувствительных» для аграриев ЕС товаров (в том числе говядины, мяса птицы, молокопродуктов, сахара, этанола) при росте их ввоза на 5% против средней за предыдущие 3 года и снижении импортных цен на 5% против цен на аналогичные товары производителей ЕС (The EU-MERCOSUR..., 2026). ЕК должна также усилить пограничный контроль для предотвращения ввоза на рынок ЕС продовольствия, содержащего запрещенные в ЕС агрохимикаты.

Меньшие опасения у фермеров ЦВЕ-11 вызывают соглашения о свободной торговле, подписанные в 2026 г. с Австралией и Индией, прежде всего из-за заметно меньших объемов и номенклатуры будущего льготного импорта в ЕС. По первому договору ЕС разрешает беспошлинный ввоз лишь 30 тыс. т говядины и 26 тыс. т баранины, причем преимущественно дефицитного в ЕС экологичного травяного откорма, в обмен на беспошлинный экспорт в Австралию вина, шоколада и некоторых фруктов и овощей, а позднее и сыра. По второму – намечается существенное снижение или отмена пошлин на 90% объема взаимной агропродовольственной торговли, за исключением чувствительных для обеих сторон товаров. Для ЕС – это говядина, мясо птицы, молокопродукты, сахар и рис, для Индии – зерно, молокопродукты, мясо птицы и некоторые виды фруктов и овощей. В обоих случаях в рамках ЕС-27, и особенно ЦВЕ-11, реально выигрывают только производители достаточно дорогой пищевой продукции, однако, как и в соглашении с МЕРКОСУР, сельхозпроизводители будут защищены механизмом ограничения импорта.

ЦВЕ-11 также планирует создание «общественного переговорного блока» для скоординированного давления на ЕК аграрных

организаций стран ЕС-27. В феврале 2026 г. сельскохозяйственные палаты стран Вишеградской группы, Латвии и Литвы потребовали от ЕК отказаться от фиксации расходов на ОСП ниже уровня 2021–2027 гг., а также от ряда других антифермерских новаций (снижения «потолка» бюджетной поддержки на одно хозяйство, депрессивности поддержки и др.), фактически сдерживающих рост размера ферм и их конкурентоспособности. Особое возмущение аграриев вызывает навязывание им дорогостоящих экосхем для снижения «климатического следа» сельского хозяйства ЕС и восстановления лесов при расширении импорта продовольствия из стран, вырубаящих тропические леса под сельхозугодья (МЕРКОСУР). Эту инициативу, вероятно, поддержат и родственные организации других стран, а также крупнейшая международная фермерско-кооперативная организация ЕС СОРА-COGECA.

Преимущественно геополитически мотивированные либерализационные тренды в рамках вышеупомянутых соглашений о свободной торговле резко контрастировали с политически же обосновываемыми новыми ограничениями в торговле ЕС с Россией продукцией АПК и минудобрениями. С июля 2025 г. начали действовать повышенные (50%) пошлины ЕС на ввоз большинства российских агропродовольственных товаров, а также удобрений (с постепенным повышением их к 2028 г. до почти запретительного уровня в 430 евро/т). Россия также повысила пошлины на ввоз из недружественных стран ряда агропродовольственных продуктов. В результате в 2025 г. на РФ приходилось уже менее 2,5% агропродовольственного экспорта и 0,5% импорта ЕС. При сохранении данных трендов, особенно на фоне расширения агропродовольственной торговли с МЕРКОСУР, Австралией и Индией, связанный с совершенствованием господдержки (Петриков, 2024. С. 539) растущий экспортный потенциал АПК РФ (до 25% продукции АПК к 2030 г.) вряд ли может быть использован на рынке ЕС (Киселев и др., 2021. С. 86).

Агропродовольственный импорт ЕС из РФ за некоторыми исключениями (белковые корма, подсолнечное масло, отдельные пищевкусные продукты) достаточно замещаем по объемам и ценам. В поставках российских удобрений ситуация практически противоположная. По ценам, качеству и удобству доставки они высококонкурентны. Не случайно в преддверии повышения

тарифов страны ЕС резко нарастили их ввоз из РФ. Во II квартале 2025 г. доля России в импорте удобрений ЕС возросла до 33,7% по стоимости и 36,3 по весу, и даже в IV квартале составляла 15,9 и 15,5%, соответственно. В целом в 2025 г. РФ была крупнейшим поставщиком удобрений в ЕС, причем 45% закупок пришлось на Польшу и Румынию. Напротив, в январе 2026 г. месячный экспорт российских удобрений в ЕС по весу сократился примерно в 12 раз против 2000 г., а РФ была только пятым их поставщиком. В 2025 г. на мировом рынке доминировал повышательный ценовой тренд. В I квартале 2026 г. он усилился из-за Ормузского кризиса, нарушившего транспортировку примерно 30% мирового экспорта и до 40% мирового производства ряда видов удобрений. По некоторым оценкам, это уже привело к повышению цен ряда видов удобрений в ЕС на 15–25%. На фоне неполной загрузки или остановки производства на ряде предприятий удобрений ЕС (например, в Литве и Польше) не исключена активизация российского экспорта, в том числе путем смягчения эффекта повышения импортных пошлин через выведение удобрений из-под удорожающего их импорт трансграничного налога на ввоз в ЕС углеродоемких товаров. С такой инициативой уже в феврале 2026 г. выступили Болгария, Венгрия, Латвия, Румыния, Хорватия и Эстония совместно с Австрией, Грецией, Португалией и Францией. В марте Венгрия предложила временно обнулить пошлины на импорт удобрений из РФ и Беларуси для преодоления последствий Ормузского кризиса. Против выступили Германия и «экономные» западные страны, опасаясь конкуренции для своих производителей удобрений. Среди стран ЦВЕ-11 к ним присоединилась лишь Польша из-за угрозы банкротства своей ведущей агрохимической компании – Grupa Azoty, резко ослабленной непродуманными инвестициями и плохим управлением. Вероятна и активизация реэкспорта в страны ЦВЕ-11 российских удобрений или их компонентов через третьи страны. По имеющимся оценкам, например, в 2025 г. 20–35% удобрений, поставленных в страны ЕС (в том числе в Польшу) из Турции, ОАЭ и Индии, содержали российский аммиак¹².

12. Даренская С. ТОП-8 потрясений мирового рынка удобрений в 2025 году. 14.11.2025. [https://glavagronom.ru/articles/top-8-potryaseniy-mirovogo-rynka-udobreniy-v-2025-godu#:~:text=\(дата обращения: 03.04.2026\).](https://glavagronom.ru/articles/top-8-potryaseniy-mirovogo-rynka-udobreniy-v-2025-godu#:~:text=(дата обращения: 03.04.2026).)

Еврокомиссия не отказалась и, видимо, не откажется от принципиальных изменений по целеполаганию, автономности, объему и структуре финансирования ОСП, а также открытия внутреннего агропродовольственного рынка ЕС, исходя из требований новой бюджетной системы. Однако до принятия нового бюджета к началу 2028 г. при продолжении давления со стороны стран ЦВЕ-11 в союзе с заинтересованными старыми странами, прежде всего Францией, *возможно согласование компромиссного варианта. Он мог бы учитывать существенные «эко-климатические» и «геополитические» коррективы организационно-финансовой системы и расходов на ОСП без ее полного демонтажа и при активизации защитных механизмов в рамках новых мегарегиональных зон свободной торговли.*

Выводы

Возможны следующие последствия нового тренда евроинтеграции для АПК стран ЦВЕ-11.

В рамках ЕС:

- сокращение (до 2028 г. и, вероятно, с ускорением до 2034 г.) числа семейных ферм из-за ужесточения агроклиматических стандартов, снижения доходов и неопределенности экономических и смено-поколенческих перспектив;
- обострение на рынке ЕС конкуренции фермеров стран ЦВЕ-11 и «старых» западных стран ЕС между собой, а также с либерализованным импортом продукции, имеющих лучшие природные условия, более низкие издержки и экоклиматические стандарты фермерами стран – кандидатов (прежде всего Украины), стран МЕРКОСУР, в меньшей степени Индии и стран АТЭС (США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Мексики, Таиланда);
- связанное с этим вероятное снижение производства и экспорта ЕС менее конкурентных агропродовольственных товаров (кукурузы, масличных, сахара, говядины, мяса птицы), не компенсируемое ростом вывоза более конкурентных продуктов (вина, алкоголя, сыров и другие молокопродуктов, оливкового масла, ряда пищевкусовых продуктов) для большинства стран ЦВЕ;

- реальное снижение продовольственной самообеспеченности региона ЦВЕ-11.

На мировом рынке:

- высокая вероятность сохранения (возможно, и усиления) опережающего по сравнению с экспортом роста агропродовольственного импорта, вплоть до существенного снижения продовольственной безопасности по ряду базовых продуктов;
- ухудшение международного позиционирования стран ЦВЕ-11 в отраслях АПК;
- сужение товарных и финансово-логистических ресурсов ЦВЕ как части ЕС в системе глобальной продовольственной безопасности (в том числе продовольственной помощи) и связанное с этим ослабление его политического и экономического влияния на Глобальном Юге.

В отношениях с Россией:

- сохранение Евросоюзом политизации внешних торгово-производственных и логистических связей, обусловившей резкое сокращение агропродовольственного экспорта стран ЦВЕ-11 на российский рынок вплоть до полного прекращения поставок некоторых товаров и ухода с рынка ряда традиционных поставщиков, а также свертывание ими аналогичного импорта из РФ;
- малая вероятность значимого возвращения стран ЦВЕ-11 на российский рынок по основным видам агропродовольственных товаров в обозримо близкой перспективе на фоне продолжения курса РФ на замещение импорта и переориентацию внешней торговли с рынка Евросоюза на дружественные страны;
- сохранение поставок некоторых пищевкусовых продуктов, обогащающих ассортимент предложения на российском потребительском рынке¹³, а также необходимых ингредиентов и полупродуктов для пищевых отраслей РФ;

13. В 2025 г. на страны ЦВЕ-11 пришлось около 65% стоимости экспорта ЕС в Россию пива и почти 25% – кондитерских изделий.

- поддержка инициатив компаний стран ЦВЕ-11, которые, несмотря на политическое давление, финансовые, логистические и иные трудности, не разорвали связей с РФ и остались надежными и эффективными поставщиками на российский рынок и импортерами продукции АПК РФ, в интересах возможного будущего сотрудничества при создании соответствующих внешнеполитических условий;
- минимизация экспорта Россией продукции АПК в ЕС, практически исключая конкуренцию на нем со странами ЦВЕ и не позволяющая впредь обвинять РФ в «подрыве сбалансированности и устойчивости» рынка Евросоюза;
- вероятное обострение конкуренции стран ЦВЕ-11 с РФ на «привычных» для ЕС (Ближний Восток и Северная Африка, ряд других стран Африки, Азии, частично Латинской Америки) и «нетипичных» для него (Центральная Азия, Южный Кавказ) агропродовольственных рынках как по традиционным продуктам российского экспорта (зерно, масличные, белковые корма), так и новым (свинина, мясо птицы, молокопродукты, в том числе сыр, пищевкусовая продукция);
- сохранение экспорта и/или в регион ЦВЕ-11 российских минеральных удобрений и полупродуктов для их производства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Присоединение к Евросоюзу и адаптация к его Общей сельскохозяйственной политике в 2004–2022 гг., несмотря на социально-экономические трудности, способствовали повышению эффективности сельхозпроизводства и в целом АПК стран ЦВЕ-11, а также укреплению его позиционирования в рамках ЕС. «Младоевропейцы» достаточно успешно «вписались» в разработку и механизмы реализации ОСП, став активными участниками (иногда – инициаторами) ее развития.

Однако этого было недостаточно для результативного противодействия (в том числе совместно с частью старых стран ЕС) принятию обусловленной преимущественно внешним фактором чрезмерной «эколого-климатизации» общеэкономической стратегии и связанных с ней изменений отраслевых и социально-региональных политик. Стратегический поворот в рамках новой концепции «От фермы до стола» и соответствующих корректировок ОСП в 2023–2025 гг. в целом негативно повлиял на динамику и качество развития АПК региона (в том числе на взаимодействие с Россией), хотя и не привел к полному отходу от традиционных целей и принципов ОСП и значимому ослаблению региональной продовольственной безопасности.

Намечаемое с 2028–2034 гг. радикальное изменение целей, задач и механизмов евроинтеграции, по сути, разрушает многолетние основы ОСП (безусловную приоритетность продукции соб-

ственного сельхозпроизводства, соответствующую автономность по целям, финансированию и механизмам реализации), дестимулирует развитие регионального АПК. Оно опасно открывает внутренний продовольственный рынок Евросоюза для более дешевой массовой продукции из формирующихся совместных «макрорегиональных торговых рынков» (прежде всего с МЕРКОСУР, Индией, Австралией). Это чревато дезинтеграцией регионального АПК ЕС, ослаблением внутрирегионального позиционирования и кризисными явлениями в аграрных регионах ЦВЕ-11 (особенно в условиях продвигаемого высшей бюрократией ЕС его «упрощенного», или «обратного», расширения за счет Украины), а также реальным ослаблением региональной продовольственной безопасности, снижением экспортного агропродовольственного потенциала, позволяющего ЕС достаточно эффективно влиять на глобальные рынки продовольствия.

Вероятно и негативное влияние этих процессов на взаимодействие ЦВЕ-11 в сфере АПК с Россией, в том числе усиление их взаимной конкуренции на рынках третьих стран.

Эпиграф к докладу отражает видение перспектив Общей сельскохозяйственной политики ЕС, представленное предыдущим продовольственным еврокомиссаром с многолетней аграрной биографией. Оно опирается на аграрное и, в меньшей степени, потребительское лобби, а также исторический опыт, практически подтверждающий нереальность обеспечения устойчивой продовольственной безопасности региона без хорошо организованной и совместно финансируемой политики, включая надежную защиту от внешних факторов. Ему противостоит продвигаемый высшей евробюрократией подход к единой аграрной политике и развитию регионального АПК ЕС как сектору не самоценному, а второстепенному по отношению к достижению международной конкурентоспособности и стратегического лидерства в более продвинутых и востребованных отраслях промышленности и сферы услуг, обеспечению их сырьем (в том числе редкоземельными металлами), энергией (в том числе из альтернативных источников) и гарантированными рынками сбыта для улучшения геополитического позиционирования Евросоюза. Этот второй подход сейчас политически, организационно и финансово сильнее и активно наступает. Однако первый более понятен

и выгоды обществу как в социально-экономическом, так и в демографически-пространственном, и даже культурно-историческом аспектах. Это особенно заметно и значимо для условно «более аграрного» региона ЦВЕ-11.

Поэтому, учитывая растущее политическое (в меньшей степени экономическое) значение региона ЦВЕ-11, разворачивающийся переход его с периферийных на приближенные к центру принятия решений позиции по развитию Евросоюза, можно ожидать на практике более мягкого компромиссного варианта осуществления намечаемого стратегического «разворота» евроинтеграции, в том числе применительно (а не исключено, и преимущественно) к агропродовольственной сфере – единственной пока реально автономной области экономики ЕС.

ЛИТЕРАТУРА

- Аграрно-промышленная интеграция стран СЭВ / Отв. ред. Ю.Ф. Кормнов. М.: Наука, 1976.
- Агропромышленная интеграция: опыт советско-болгарского сотрудничества / Шаламанов С., Шмелев Г., Фрумкин Б., Димов А.М.: Экономика. София: Земиздат, 1982.
- Ассоциация Украины с Европейским союзом: последствия для России: Информационно-аналитический доклад / Рук. проекта А.А. Дынкин, И.Я. Кобринская. М.: ИМЭМО РАН, 2014.
- Буддалов И.Н., Фрумкин Б.Е. Перспективы рыночных аграрных реформ в странах Восточной Европы и Китае // Вестник Российской академии сельскохозяйственных наук. 1993а. № 4. С. 12–15.
- Буддалов И.Н., Фрумкин Б.Е. Государственное регулирование аграрного сектора в условиях рыночных преобразований // Вопросы экономики. 1993б. № 9. С. 117–127.
- Буторина О.В. Европейский союз и большие циклы экономической интеграции // Международные процессы. 2024. Т. 22. № 3–4. С. 6–28.
- Европейская интеграция. Учебник для вузов / Под ред. О.В. Буториной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2016.
- Европейский союз и новые страны-члены: проблемы адаптации / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2008. С. 244–256.
- Киселев С.В., Ромашкин Р.А., Белугин А.Ю. Перспективы экспорта агропродовольственной продукции России в Европейский союз // АПК: организация, управление. 2021. № 10. С. 80–86.
- Киселев С.В., Ромашкин Р.А., Белугин А.Ю. Агропродовольственный экспорт России до 2030 г.: прогноз на основе модели частичного равновесия // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 4(56). С. 69–90.
- Международно разделение на труда в аграрно-промышленная сфера / Отв. ред. С. Шаламанов, А. Ганев. София: Земиздат, 1983.
- Назаренко В.И. Аграрная политика Европейского союза. М.: Маркет ДС, 2004.
- Пацлов А.Г. Эволюция сельскохозяйственной политики ЕС // Аграрная Европа в XXI веке / Отв. ред. Э.Н. Крылатых. М.: Летний сад, 2015. С. 81–104.
- Петриков А.В. Антисанкционная политика в сельском хозяйстве: краткосрочные и среднесрочные аспекты // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 248. №4. С. 527–542.

- Пределы самостоятельности Вишеградской группы в ЕС / Отв. ред. А.С. Четверикова. М.: ИМЭМО РАН, 2023.
- Россия и мир: 2008. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, ФПИИ, 2007. С. 117–118.
- Россия и мир: 2012. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 96.
- Россия и мир: 2025. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; отв. ред.: И.Я. Кобринская, Г.И. Мачавариани. М.: ИМЭМО РАН, 2024. С. 138, 140.
- Страны «поояса соседства» России: модели развития и вопросы сотрудничества / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, М.О. Тураева, Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2024. С. 126–145.
- Фрумкин Б.Е. Интеграция стран СЭВ в агропромышленной сфере. Этапы и перспективы развития. М.: Наука, 1986.
- Фрумкин Б.Е. Современная аграрная политика: восточноевропейский опыт // Проблемы теории и практики управления. 1993. № 9. С. 117–127.
- Фрумкин Б.Е. Сельская кредитная кооперация в странах ЦВЕ – новый этап // Международный сельскохозяйственный журнал. 2004а. № 1. С. 8–12.
- Фрумкин Б.Е. Страны Центрально-Восточной Европы: проблемы унификации модели аграрной политики // Аграрная Россия. 2004б. № 3. С. 31–37.
- Фрумкин Б.Е. Фермерские протесты в странах Центрально-Восточной Европы: причины и последствия / АПК: Экономика, управление. 2024. № 6. С. 109–118.
- Центрально-Восточная Европа: социально-экономические последствия ухудшения отношений с Россией / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2025.
- Barreiro-Hurle J., Bogonos M., Himics M., Hristov J., Pérez-Domiguez I., Saboo A., Salputra G., Weiss F., Baldoni E., Elleby, C. Modelling environmental and climate ambition in the agricultural sector with the CAPRI model. Exploring the potential effects of selected Farm to Fork and Biodiversity strategies targets in the framework of the 2030 Climate targets and the post 2020 Common Agricultural Policy. Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2021.*
- Bojnec S., Fertő I. Does enlargement has caused intra and extra European Union agri-food trade? // Bulgarian Journal of Agricultural Science. 2015. No. 21 (No. 1). Pp. 1–15.*

- Brix E.* We Have Too Much History// AspenInstitute Review. 12.11.2020. <https://old.aspeninstitute.org/article/2020/emil-brix-much-history>
- Buzogány A., Varga M.* Breaking the rural underdevelopment trap? Eastern enlargement, agricultural policy and lessons for Ukraine // Journal of European Public Policy. 2025. Vol. 32(12). Pp. 2914–2935.
- Csaki Cs., A. Jambor A.* Convergence or divergence – Transition in agriculture of Central and Eastern Europe and Commonwealth of Independent States revisited// Agricultural Economics / Zemědělská Ekonomika. 2019. Vol. 65(4). Pp. 160–174.
- Czarnecki A., Zawalińska R.* Editors' Note. Od transformacji do stabilizacji. Obszary wiejskie i rolnictwo 20 lat po rozszerzeniu Unii Europejskiej // Wieś i Rolnictwo. 2024. No. 4(205). Pp. 7–11.
- Direct payments 2017–2022 Decisions taken by Member States. 23 March 2025. https://agriculture.ec.europa.eu/system/files/2023-05/simplimentation-decisions-ms-2022_en.pdf
- Jambor A., Gorton M.* Twenty years of EU accession: Learning lessons from Central and Eastern European agriculture and rural areas// Agricultural and Food Economics. 2024. Vol. 13(1). Pp. 1–17.
- Jeblička P., Griviņš M., Visser O., Balázs B.* Thinking food like an East European: a critical reflection on the framing of food systems// Journal of Rural Studies. 2020. Vol. 76. May. Pp. 286–295.
- MainarCausapé A., Martínez Y.* The impact of the EU's farmtofork strategy on member states' economies: which countries will suffer the most? // Agricultural and Food Economics. 2025. Vol.12. No. 10. Pp. 1–21.
- Parliament adopts its position on the future of EU agriculture policy. 10.09.2025. <https://www.europarl.europa.eu/news/hr/press-room/20250905IPR30180/parliament-adopts-its-position-on-the-future-of-eu-agriculture-policy>
- Peng B., Melnikiene R., Balezentis T., Agnusdei G.P.,* Structural dynamics and sustainability in the agricultural sector: the case of the European Union/ Agricultural and Food Economics, Italian Society of Agricultural Economics (SIDEA). 2024. Vol. 12(1). Pp. 1–27.
- Pickles J., Smith A.* Post-socialist economic geographies and the politics of knowledge production. In Politics and Practices of Economic Geography. Edited by A. Tickell, E. Sheppard, J. Peck and T. Barnes. London: SAGE, 2007. Pp. 151–162.
- Pouliquen A.* Competitiveness and farm incomes in CEEC agri-food sectors: Implications before and after Accession for EU markets and policies, European Commission, Directorate General for Agriculture – 2001.

- Pouliquen A.* Pays de l'Est. Intégration dans l'UE: de la reprise agricole à la crise. Demeter. 2011.
- Radlińska K.* Changes in the Structure of Agriculture in Central and Eastern Europe in the Light of the European Green Deal. *Sustainability* 2025, 17, 104 Pp. 2–18. https://www.researchgate.net/publication/387464077_Changes_in_the_Structure_of_Agriculture_in_Central_and_Eastern_Europe_in_the_Light_of_the_European_Green_Deal
- Summary report on the implementation of direct payments [except greening] Claim year 2022. European Commission. April 2024. https://agriculture.ec.europa.eu/document/download/8707d160-1fed-45b1-aba8-bc9a6eca9846_en?filename=summary-report-implementation-direct-payments-claim-2022_en.pdf
- Swinnen J.F.M.* Transition and Integration in Europe: Implications for Agricultural and Food Markets, Policy and Trade Agreements / *The World Economy*, 2002. Issue 4. Pp. 481–501.
- Swinnen J.F.M., Vranken L.* Reforms and agricultural productivity in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Republics: 1989–2005 / *Journal of Productivity Analysis*. 2010. Vol. 33. Pp. 241–258.
- The EU-Mercosur bilateral safeguard clause. At a glance. Plenary – February 2026 EPRS | European Parliamentary Research Service. [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2026/782641/EPRS_ATA\(2026\)782641_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2026/782641/EPRS_ATA(2026)782641_EN.pdf)
- Wulff Wold J., Kurmayer N.J., Moller-Nielsen T.* Nowy unijny budżet: z czego ma się składać? (Wykaz). 17.07.2025. <https://euractiv.pl/section/polityka-wewnetrzna-ue/news/nowy-unijny-budzet-z-czego-ma-sie-skladac-wykaz>

Редакционно-издательский отдел:
Тел.: +7 (499) 129 0472
e-mail: print@inecon.ru
сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

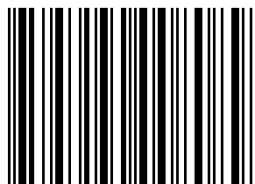
Б.Е. Фрумкин

**УЧАСТИЕ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В РАЗВИТИИ ОБЩЕЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКИ ЕВРОСОЮЗА: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИИ**

Оригинал-макет – *Валериус В.Е.*
Редактор – *Полякова А.В.*
Компьютерная верстка – *Хацко Н.А.*

Подписано в печать 08.06.2026 г.
Заказ № 4. Тираж 300. Объем 2,8 уч. изд. л.
Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0808-9

9 785994 008089 >